Негосударственное частное учреждение –
образовательная организация высшего образования
«Миссионерский институт»
Кафедра теологии

Рецензия
на выпускную квалификационную работу

студента: Ворганова Антона Олеговича

Тема: Проблемы христианской антропологии в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

1. Сведения о рецензенте:

Ф.И.О. (полностью)	*Горяев Сергей Олегович*
Должность	*Доцент*
Место работы	*Миссионерский институт*
Ученая степень	*Кандидат филологических наук*
Ученое звание	-

2. Общий анализ ВКР

2.1. Актуальность темы представленного исследования.

Не вызывает сомнения ни актуальность работы, ни ее обоснование.

2.2. Соответствие содержания выполненной работы заявленной теме.

Соответствует. Отрадно видеть качественный рост исследователя, по сравнению с прошлой курсовой работой чувствуется еще большая углубленность в заявленную проблематику.

2.3. Оформление (стиль, соблюдение этики цитирования).

Некоторые погрешности стиля присутствуют. Например, на с. 4. автор пишет «Также были исследованы и использованы в работе труды таких авторитетных церковных писателей, как Василий Зеньковский». Во-первых, в этой цитате автор относит к объекту исследования труды Василия Зеньковского, хотя объектом исследования выступает роман Достоевского. Во-вторых, зачем перегружать фразу? Если мы читаем «…труды таких авторитетных церковных писателей, как..», то ожидаем перечня имен, ради одного автора такую конструкцию городить не следует. Иногда проскакиваю т эмоционально-окрашенный фразы разговорного характера: «Взять хотя бы, как пример, Родиона Раскольникова…» с. 6. Но в целом стиль автора все-таки выдает принадлежность к традиции русской гуманитарной мысли, выраженной научным слогом.

Этика цитирования соблюдена, цитируемые фрагменты необходимы и достаточны для передачи мысли. Некоторые наши замечания см. ниже в п.2.6.

2.4. Новизна и оригинальность исследования (научно-теоретическая новизна – если присутствует, новизна в решении поставленных задач, практическая значимость представленной работы).

Авторский подход интересен и плодотворен. Конечно, следует сделать поправку на то, что автор теолог, а не филолог по общему образованию. Некоторые пассажи показывают, что филологическую проблематику русской классической литературы автор только начал открывать для себя. Например, на с. 5 автор пишет «…романы Ф. М. Достоевского обладают одной любопытной особенностью. В них нередко отсутствуют идеальные герои, положительные во всех отношениях...», однако, как поиск

положительного героя, так и его отсутствие - это общее направление русской классики, а не особенность Достоевского, тем более что последний в романе «Идиот» пытался приблизиться к изображению «положительного во всех отношениях героя». Наивны пожелания автора дать «полный анализ художественных героев романа» или представления о том, что герои литературы строго делятся на положительных и отрицательных. Но в плане преломления через призму творчества Достоевского идеала христианской антропологии автор показывает себя как компетентный специалист, имеющий достаточное представление о систематической теологии православия.

2.5. Степень использования современных методик исследования (эксперимент, статистическая обработка данных и др.).

Работа, посвященная интерпретации классической литературы, не нуждается в современных методиках. К методологии работы у нас нет претензий, автор вполне владеет методом интерпретации, основным для работы с художественным текстом.

2.6. Полнота использования информационной базы (отечественных и зарубежных научных и научно-методических источников, передового опыта предприятий, учреждений, организаций, объединений и др.).

Вполне достаточная для текущего исследования. Нам кажется несколько странным то, что автор работы, помещая на с. 3 краткий очерк исследователей религиозного подтекста романа Достоевского, не включает работы упомянутых исследователей в список литературы, видимо из врожденной скромности или ложно понятных формальных требований. Если работа упоминается, то требуется, конечно, ее указать в библиографическом ключе, даже если конкретной цитаты из нее не приводится. В то же время описание трех источников, достаточно известных, не необходимо во введении, тем более, что каждому из них посвящен отдельный раздел работы. А о. Сергий Булгаков не упоминается в этом кратком описании, хотя ему тоже посвящен отдельный раздел.

Отметим также, что принципиальная для исследования статья протоиерея Василия Зеньковского «Принципы православной антропологии» оказалась не представленной в списке литературы отдельной позицией, но подразумевается в указании собрания сочинений, что немного странно.

2.7. Возможность практического использования результатов (наличие рекомендаций для педагогической, образовательной, научно-исследовательской, социокультурной, культурно-просветительской, художественно-творческой и других сфер деятельности).

Автор справедливо отмечает, что результаты «могут быть использованы в ходе миссионерской деятельности на приходе», однако оставляет за пределами внимания применимость результатов в преподавании, что мы восполним со своей стороны.

3. Оценка уровня сформированности компетенций

№	Компетенция	Оценка степени сформированности компетенции (пороговый, базовый, высокий)
1	Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1).	**высокий**
2	Способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2).	**высокий**

3	Способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности (ОК-3).	**базозвый**
4	Способность использовать основы правовых знаний в различных сферах деятельности (ОК-4).	**базовый**
5	Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5).	**высокий**
6	Способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6).	**высокий**
7	Способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7).	**высокий**
8	Способность использовать методы и инструменты физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8).	**базовый**
9	Способность использовать основы теологических знаний в процессе духовно-нравственного развития (ОК-10).	**высокий**
10	Способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности теолога на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности (ОПК-1).	**высокий**
11	Способность использовать базовые знания в области теологии при решении профессиональных задач (ОПК-2).	**высокий**
12	Способность использовать знания в области социально-гуманитарных наук для освоения профильных теологических дисциплин (ОПК-3).	**высокий**
13	Способность актуализировать представления в области богословия и духовно-нравственной культуры для различных аудиторий, разрабатывать элементы образовательных программ (ПК-5).	**высокий**
14	Способность вести учебно-воспитательную деятельность в образовательных и просветительских организациях различного уровня и типа (ПК-6).	**высокий**
Вывод: сформированность компетенций на **высоком** уровне		

4. Замечания и вопросы рецензента

Замечания:

Некоторые замечания, касающиеся стиля и цитирования мы включили в рецензии выше. Принципиальных замечаний и возражений к работе мы не имеем.

Вопросы:

Мы бы попросили автора раскрыть подробнее следующие положения:

1. Во второй главе автор уделяет особое внимание четырем мыслителям – А. Камю, Д. С. Мережковскму, прп. Иустину Поповичу и прот. С. Булгакову. Три из них, несомненно, принадлежат к традиции православной русской философии, хотя в случае с Д. С. Мережковским эта принадлежность преломляется весьма своеобразно. Но какое

место занимает в этом ряду А. Камю, ведь он как мыслитель представляет совсем иное направление европейской мысли?

2. В разделе 3.4. работы автор ведет рассуждения об актуальности Достоевского для сегодняшнего положения дел, но начинает построение мысли с подчеркивания эсхатологичности творчества этого великого писателя. Означает ли это, что автор работы рассматривает современное состояние мира как «последние времена»? Если формулировать вопрос более строго - в чем заключается идея эсхатологичности применительно к настоящему исследованию.

5. *Общая оценка ВКР (в баллах и прописью): 5 (отлично)*

Дата: Подпись (С.О.Горяев)

Негосударственное частное учреждение –
образовательная организация высшего образования
«Миссионерский институт»
Кафедра теологии

Отзыв руководителя на выпускную квалификационную работу

студента Ворганова Антона Олеговича

Тема: Проблемы христианской антропологии в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

1. Сведения о руководителе:

Ф.И.О. (полностью)	*Зырянов Олег Васильевич*
Должность	*профессор кафедры СГиЕНД*
Ученая степень	*доктор филол. наук*
Ученое звание	*профессор*

2. Работа над выпускной квалификационной работой подтверждает уровень сформированности следующих компетенций:

№	Компетенция	Оценка степени сформированности компетенции (пороговый, базовый, высокий)	Особенности проявления степени сформированности компетенции у выпускника
Общекультурные компетенции (ОК):			
1	Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1).	высокий	Студент *знает* специфику философского и богословского дискурса в контексте социокультурных реалий; *умеет* аргументированно объяснить влияния философской и богословской мысли на социокультурные практики в различные исторические периоды; *владеет* способностью критически оценивать различные типы мировоззрений с позиции христианского вероучения.
2	Способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2).	высокий	Студент *знает* основные этапы истории и христианской цивилизации; *умеет* объяснить особенности исторического развития христианкой культуры; *владеет* способностью сравнивать различные исторические эпохи в контексте христианского вероучения.

3	Способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятель-ности (ОК-3).	базовый	Студент *знает* механизмы экономического обеспечения деятельности прихода; *умеет* давать оценку экономической составляющей приходской деятельности; *владеет* методами экономического планирования развития прихода.
4	Способность использовать основы правовых знаний в различных сферах деятельности (ОК-4).	базовый	Студент *знает* спектр социальных и профессиональных задач, алгоритм их решения, критерии оценки государственно-конфессиональных отношений; *умеет* интегрировать богословские и правовые знания в решении конкретных задач; *владеет* высоким уровнем правосознания, правовой терминологией, навыками применения правовых норм в своей профессиональной деятельности.
5	Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5).	высокий	Студент *знает* способы формализовать изучаемые нормы русского и иностранного языка, с целью интенсификации его применения; *умеет* выстраивать собственное вербальное и невербальное поведение в соответствии с нормами культуры изучаемого и русского языка; *владеет* навыками строить высказывание, адекватно отражающие культурные ценности изучаемого языка;
6	Способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональ-ные и культурные различия (ОК-6).	высокий	Студент *знает* отличия в подходах к организации катехизаторской и миссионерской деятельности в соответствии с конкретными социокультурными условиями; *умеет* реализовывать катехизаторско-просветительские мероприятия в соответствии с планом работы; *владеет* способностью профессионально выстраивать взаимодействие в любой аудитории.
7	Способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7).	высокий	Студент *знает* этапы профессионального становления личности, механизмы и трудности социальной адаптации; *умеет* анализировать и сопоставлять результаты решения практических задач самостоятельно

			сформулированных с поставленных целью самообразованию, повышения квалификации; *владеет* способностью к самостоятельному поиску методов решения практических задач применения различных методов познания.
8	Способность использовать методы и инструменты физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональ-ной деятельности (ОК-8).	базовый	Студент *знает* основы физической культуры и спорта как социальные феномены общества; *умеет* пропагандировать основы здорового образа жизни; *владеет* навыками и средствами самостоятельного, методически правильного достижения должного уровня физической подготовленности.
9	Способность использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций (ОК-9).	базовый	Студент *знает* возможные последствия ЧС, вызванных авариями, катастрофами, стихийными бедствиями и применением современных средств поражения; *умеет* идентифицировать основные опасные факторы воздействия на окружающую среду, оценивать риск и последствия их возникновения; владеет навыками по обеспечению безопасности в системе «человек-среда обитания».
10	Способность использовать основы теологических знаний в процессе духовно-нравственного развития (ОК-10).	высокий	Студент *знает* особенности богословских учений с учетом исторического контекста; *умеет* аргументированно объяснить влияние богословия на развитие культуры; *владеет* способностью критически оценивать различные религиозно-философские концепции с позиции православного вероучения.
Общепрофессиональные компетенции (ОПК):			
11	Способность решать стандартные задачи профессиональ-ной деятельности теолога на основе информационной и библиографичес-кой культуры с	высокий	Студент *знает* систему подходов к решению стандартных задач профессиональной деятельности теолога с учетом требований информационной безопасности; *умеет* подходить к решению стандартных задач профессиональной деятельности теолога в соответствии с особенностями информационной безопасности; *владеет* навыками систематизации и выбора

	применением информационно-коммуникацион-ных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности (ОПК-1).		необходимой информации согласно задачам профессиональной деятельности теолога на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности.
12	Способность использовать базовые знания в области теологии при решении профессиональн ых задач (ОПК-2).	высокий	Студент *знает* основные методы обобщения информации в области теологии; *умеет* осуществлять решение практических задач с опорой на теологические знания; *владеет* способностью использовать базовые знания в области теологии при решении научных практических и профессиональных задач.
13	Способность использовать знания в области социально-гуманитарных наук для освоения профильных теологических дисциплин (ОПК-3).	высокий	Студент *знает* спектр проблем развития гуманитарных, теологических, социальных и экономических наук; *умеет* применять на практике знания о требованиях к профессиональной деятельности с учетом конкретной ситуации; владеет основными способами прогнозирования, проектирования и моделирования в области гуманитарных, социальных и экономических наук.
Профессиональные компетенции (ПК) при осуществлении такого вида профессиональной деятельности как *учебно-воспитательная и просветительская:*			
14	Способность актуализировать представления в области богословия и духовно-нравственной культуры для различных аудиторий, разрабатывать элементы образовательных программ (ПК-5).	высокий	Студент *знает* основные подходы к организации просветительской работы с различной аудиторией; *умеет* организовать просветительскую работу с различной аудиторией; *владеет* способностью проводить систематическую работу по духовно-нравственному воспитанию и просвещению.
15	Способность вести учебно-воспитательную деятельность в образовательных	высокий	Студент *знает* концепции и подходы к организации воспитания на всех уровнях образования в РФ; *умеет* оперативно осваивать передовой практический опыт педагогического

	и просветительских организациях различного уровня и типа (ПК-6).		сообщества по реализации воспитательной и просветительской деятельности в школе; *владеет* конструировать и интегрировать методики, методы и средства в зависимости от цели, этапа и формы мероприятия или урока.

3. В ходе работы над ВКР студент продемонстрировал следующие профессиональные качества:

№ п/п	Профессиональные качества	Уровень владения (высокий, средний, низкий)	Особенности проявления качеств студентом
1	Способность работать с богословско-исторической, вероучительной литературой	высокий	Студент использует богословскую, педагогическую и научно-историческую литературу, привлекает источники широкого гуманитарного профиля, прежде всего – филологические, собственно литературоведческие.
2	Своевременность выполнения заданий каждого этапа работы	высокий	Студент выполнял задание своевременно и в срок, установленный руководителем.
3	Степень инициативности и самостоятельности студента	высокая	Выбор темы совершен студентом в инициативном порядке. Увлеченность текстом романа Ф. М. Достоевского «Бесы» на протяжении практически трех лет работы только усиливалась. К несомненно оригинальной стороне ВКР следует отнести обращение автора к подготовительным материалам романа «Бесы», прежде всего к разделу «Фантастические страницы» и главе «У Тихона».
4	Конфессиональная включенность	высокий	Ворганов А. О. является прихожанином, а также служит звонарем и охранником в Храме-на-Крови во имя Всех святых в земле Российской просиявших (г. Екатеринбург).

Замечания и рекомендации руководителя:

Выпускная квалификационная работа А. О. Ворганова посвящена одному из самых сложных и неоднозначных романов Ф. М. Достоевского, входящему в так называемое «великое пятикнижие» писателя, - роману «Бесы». Следуя известной формуле Н. Бердяева об «откровении человека» в творчестве Достоевского, студент пытается разобраться в

негативных и позитивных аспектах художественной антропологии писателя. Нужно отдать должное смелости А. О. Ворганова, который в своей работе охватил практически всех основных героев романа – Кириллова, Ставрогина, Верховенского-мл., Шигалева, Шатова. На примере негативного жизненно-философского опыта этих героев А. О. Ворганову удается очертить положительный идеал Достоевского, наиболее явственно представленный в образе старца Тихона, заключающийся в понимании истинной духовной свободы – этого краеугольного камня православной антропологии. Вообще трудно переоценить значение подобного подхода в плане решения перспективных задач современной миссионерской работы.

Аргументированность и достоверность выводов во многом определяется обращением студента к широкому корпусу философско-критических источников, причем как отечественных (Д. С. Мережковский, прот. С. Булгаков, прот. В. Зеньковский, В. Розанов, И. Ильин, С. Хоружий), так и зарубежных (А. Камю, прп. Иустин (Попович)).

Структура работы вполне логична и соответствует решению поставленных в ней задач. Помимо трех основных глав в работе особо выделяется параграф «“Бесы” Достоевского и современность», в котором предпринят оригинальный опыт духовно-нравственной публицистики в свете представления о современном миссионерском служении.

Выпускная квалификационная работа А. О. Ворганова свидетельствует о высокой профессиональной подготовке автора, о его способности самостоятельно решать теоретико-практические вопросы жизни Церкви и общества, анализировать большой объем информации по интересующей теме.

Процесс и результат подготовки выпускной квалификационной работы позволяет сделать вывод о сформированности компетенций на ***высоком*** уровне.

Выпускная квалификационная работа Ворганова Антона Олеговича соответствует требованиям, предъявляемым к работам по направлению подготовки 48.03.01 Теология, уровень бакалавриата, профиль подготовки «Систематическая теология Православия» и может быть допущена к защите.

Дата: Подпись_____

Аннотация

на ВКР по теме: «Проблемы христианской антропологии в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”»

В ВКР раскрыты основные аспекты христианской антропологии в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Дана характеристика «негативной антропологии» таких героев романа, как Верховенский-мл., Шигалев, Кириллов, Николай Ставрогин. Представлены оценки данных персонажей в философско-критической мыли XX века, в авторитетных работах А. Камю, Д. С. Мережковского, прот. С. Булгакова, прп. Иустина Поповича. Положительный полюс художественной антропологии писателя, его авторский идеал раскрыт на примере образов Ивана Шатова и старца Зосимы с опорой на методологию статьи прот. В. Зеньковского «Принципы православной антропологии».

«___»_____20__ г. _____/_____

(подпись студента) (расшифровка подписи)

Автореферат

69 с., 31 источников

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, РОМАН «БЕСЫ», ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, НЕГАТИВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, АНТРОПОТЕИЗМ, ФИЛОСОФСКО-КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬXXВЕКА, АВТОРСКИЙ ИДЕАЛ.

Объект исследования: роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872).

Предмет исследования: персонажная система романа (включая всех основных героев-идеологов) в контексте философско-метафизической и духовно-религиозной концепции Достоевского, телеологии его художественного замысла.

Цель исследования: на примере анализа героев-идеологов романа «Бесы» выявить основные положения художественной антропологии писателя, логику его художественного замысла, ее связь с православным учением о человеке.

В результате исследования были сделаны выводы:

1. Отрицательные персонажи романа «Бесы» парадоксальным образом приходят к самым человеконенавистническим взглядам, что особенно наглядно проявляется в шигалевщине, исходя при этом, казалось бы, из положительных идей социального гуманизма, или антропотеизма.Оценки данных персонажей в философско-критической мысли XX в. (А. Камю, Д. С. Мережковский, прот. С. Булгаков, преп. Иустин Попович) были продиктованы, во-первых, ролью каждого из них в идейной структуре романе, а, во-вторых, контекстом того философского направления, в котором тот или иной герой рассматривался в качестве отдельного примера.

2. Своего рода переходным звеном к положительномуполюсу христианской антропологии выступает в романе «Бесы» образ Ивана Шатова. Однако, вполне сформировавшимся положительным героем в романе, в какой-то мере даже носителем авторского идеала, предстает старец Тихон – как образец интеллектуальной и духовной элиты, способной противостоять негативному влиянию западников и нигилистов.

3. Применение предложенного в работе прот. В. Зеньковского «Принципы православной антропологии» методологического подходаобосновывает вывод о том, что прослеженные в системе персонажей романа «Бесы» парадоксы и аномалии духовной жизни становятся возможными только в случае отрицания человеком бытия Божия и, как следствие этого, ориентации на испорченную человеческую природу в разрешении не только внутренних проблем человеческого духа, но и внешних условий социально-политической действительности.

Практическая значимость работы: выводы исследования могут быть использованы в ходе миссионерской деятельности на приходе, в частности,в проведениикатехизаторской беседы.

Перспективы дальнейшего исследования: на следующем этапе исследования возможно проследить реализацию как негативных, так и положительных аспектов художественной антропологии Ф. М. Достоевского на примере персонажной системыего итогового романа«Братья Карамазовы».

Abstract

69 p., 31 sources

F. M. DOSTOEVSKY, NOVEL "BESA", CHRISTIAN ANTHROPOLOGY, NEGATIVE ANTHROPOLOGY, ANTHROPOTHEISM, PHILOSOPHICAL-CRITICAL THOUGHT OF THE XX CENTURY, AUTHOR'S IDEAL.

Object of study: the novel by F. M. Dostoevsky "Demons" (1872).

Subject of research: the character system of the novel (including all the main heroes-ideologists) in the context of the philosophical-metaphysical and spiritual-religious concept of Dostoevsky, the teleology of his artistic design.

The purpose of the study: to identify the main provisions of the writer's anthropology, the logic of his artistic design, its connection with the Orthodox doctrine of man using the analysis of heroes and ideologists of the novel "Demons".

The study concluded:

1. The negative characters of the novel "Demons" paradoxically come to the most hateful views, which is especially evident in Shigalevschina, based on this, it would seem, from the positive ideas of social humanism, or anthropotheism. Assessment of these characters in the philosophical and critical thought of the XX century. (A. Camus, D. S. Merezhkovsky, Prot. S. Bulgakov, Rev. Justin Popovich) were dictated, firstly, by the role of each of them in the ideological structure of the novel, and, secondly, by the context of that philosophical direction, which this or that hero was considered as a separate example.

2. A kind of transitional link to the positive pole of Christian anthropology appears in the novel "Demons" by the image of Ivan Shatov. However, the fully formed positive hero in the novel, to some extent even the bearer of the author's ideal, appears Elder Tikhon as an example of the intellectual and spiritual elite that can withstand the negative influence of Westerners and nihilists.

3. The use of the prot. V. Zenkovsky's "Principles of Orthodox Anthropology" of the methodological approach substantiates the conclusion that the paradoxes and anomalies of spiritual life traced in the system of characters in the novel "Demons" become possible only if a person denies the existence of God and, as a result, focuses on corrupted human nature in resolving not only the internal problems of the human spirit, but also the external conditions of socio-political reality.

The practical significance of the work: the findings of the study can be used in the course of missionary activity in the parish, in particular, in conducting catechetical conversations.

Prospects for further research: at the next stage of the study, it is possible to trace the implementation of both negative and positive aspects of artistic anthropology by F. M. Dostoevsky by the example of the character system of his final novel “The Brothers Karamazov”.

Негосударственное частное учреждение – образовательная организация
высшего образования «Миссионерский институт»

Ворганов Антон Олегович

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

Проблемы христианской антропологии в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

Направление подготовки 48.03.01 Теология
Профиль ОПОП «Систематическая теология Православия»

Руководитель:
д-р филол. наук, проф.
О. В.Зырянов

Екатеринбург, 2020 г.

Оглавление

Введение……...……3
Глава 1 «Негативная антропология» в романе «Бесы»……7
1. 1. Формирование образа Петра Верховенского……..8
1.2. Шигалев и «шигалевщина»……...……..11
1.3. «Катехизис революционера»……...……14
14. Кириллов……17
1.5. Николай Ставрогин как метафизический центр романа……..20
Выводы ……..……24
Глава 2 Оценка «негативной антропологии»героев романа «Бесы»
в философско-критической мысли XX века……...27
2.1. Шигалевщина……27
2. 2. Кириллов……..31
2.2.1. Кириллов и философия абсурда (А. Камю)……31
2.2.3. Кириллов и Ницше (Д. С. Мережковский)……33
2.3. Трагедия человекобога (прп. Иустин Попович)……....36
2.4. Кириллов и Ставрогин (прот. С. Н. Булгаков)……40
Выводы……...43
Глава 3. Авторский идеал. Роман «Бесы» в свете
православной антропологии……44
3.1 Шатов……..44
3. 2. Прототипы старца Тихона……..48
3.3.Положительный полюс православной антропологии
в романе «Бесы»……..52
3. 4. «Бесы» Достоевского и современность……57
Выводы……...61
Заключение……63
Библиографический список……..……66

Введение

Актуальность. В ряду русских писателей Ф. М. Достоевский предстает художником, наиболее полно отразившим человеческую природу, явившим, по словам Н. Бердяева, «откровение о человеке». Существует огромное количество исследований, посвященных вопросам художественной антропологии Достоевского. Однако, как нам кажется, данная проблематика получила недостаточное освящение с точки зрения именно православной традиции, опирающейся на святоотеческое наследие. В особенности это касается романа «Бесы», в котором широко представленная система персонажей – атеистов и богоборцев – заставляет даже говорить о «негативной антропологии» как таковой. В своей работе мы хотели бы восполнить данное упущение.

Роман «Бесы» был встречен современными автору литературными критиками неоднозначно. В романе увидели карикатурную издевку над «освободительным» движением России. В XX веке интерес к роману не утих, о чем свидетельствуют работы таких видных исследователей, как Д. С. Мережковского («Пророк русской революции»), А. Л. Волынского, Вяч. И. Иванова («Основной миф в романе «Бесы»), Н. А. Бердяева («Духи русской революции», «Ставрогин»), Л. Шестова, С. Н. Булгакова («Русская трагедия»).

В советский период творчество писателя пытались осмыслить, исключая религиозный подтекст романа. Исследователями данного периода предстают Л. П. Гроссман («Спешнев и Ставрогин», «Стилистика Ставрогина»), А. С. Долинин («Исповедь Ставрогина»), В. Ф. Переверзев («Достоевский и революция»), В. П. Полонский («Николай Ставрогин и роман «Бесы»). Современный период представляет Л. И. Сараскина: «Бесы»: роман-предупреждение, Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики / Сост., подгот. текста, посл., коммент. Л. И. Сараскиной.

В своей работе мы использовали 30 библиографических источников, дадим краткое описание некоторым из них:

Камю А. Миф о Сизифе. Калигула. - М.: АСТ, 2017. – 381 с. Альбер Камю рассматривает героев романа «Бесы» с точки зрения философии абсурда. Прибегая к героям романа, автор пытается обосновать абсурдность человеческого существования. *Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. – М.: Наука, 2000. – 585 с*. В своей книге Д. С. Мережковский сопоставляет творчество двух писателей Толстого и Достоевского. В своем исследовании Мережковский разбирает образ Кириллова в соотношении с философией Ницше. *Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Изд-во Д. В. Харченко, 2007. – 312с.*

Автор данной работы рассматривает философию и религию Ф. М. Достоевского. При раскрытии данных вопросов прп. Иустин Попович рассматривает всю совокупность художественных героев Достоевского.

Также были исследованы и использованы в работе труды таких авторитетных церковных писателей, как Василий Зеньковский. Используя статью *протоиерея Василия Зеньковского «Принципы православной антропологии»*, мы попытались осветить проблему христианской антропологии. Действительно, представления о христианской антропологии, изложенные в данной статье, многое раскрывают в интересующих нас героях, проявляют то, что не заметно на первый взгляд. Судьба Ставрогина в свете данной статьи предстает перед нами как необходимый путь, который он, однако, отказался пройти. Трагедия Шигалева также получает вполне логичное объяснение: невозможность реализовать добрые начинания без Бога, даже если предпосылка этих начинаний имеет положительный характер, результат будет во всяком случае негативным. В работе *протоирея Сергия Булгакова «Русская трагедия»* рассматриваются герои романа «Бесы» в сопоставлении с Николаем Ставрогиным. Основная идея данного исследования заключается в том, что Ставрогин оценивается как своего рода медиум, проводник, источник темной силы, заражающий окружающих.

Объект исследования: роман Достоевского «Бесы» (1872).

Предмет исследования: персонажная система романа (включая всех основных героев-идеологов) в контексте философско-метафизической и духовно-религиозной концепции Достоевского, телеологии его художественного замысла.

Цель исследования: на примере анализа героев-идеологов романа «Бесы» выявить основные положения художественной антропологии писателя, логику его художественного замысла, ее связь с православным учением о человеке.

Для достижения указанной цели предполагается решение следующих **задач:**

1. Проследить генезис романных персонажей Достоевского с учетом авторского замысла, привлечения черновых материалов к роману.

2. Дать оценку указанных персонажей в трудах европейских и отечественных философов и литературоведов.

3. Основное внимание уделить интерпретации романных героев в трудах таких религиозных мыслителей, как прот. Сергий Булгаков и преп. Иустин Попович.

4. Обосновать принципы христианской антропологии писателя с учетом особой роли образа старца Тихона (глава «У Тихона»).

Практическая значимость работы: выводы исследования могут быть использованы в ходе миссионерской деятельности на приходе. В частности, предполагается построение катехизаторской беседы на основе полученных в ходе исследования материалов.

Методологическая основа исследования. Выбор методологии исследования осложнен одним важным обстоятельством. Дело в том, что романы Ф. М. Достоевского обладают одной любопытной особенностью. В них нередко отсутствуют идеальные герои, положительные во всех отношениях. Исключением являются, пожалуй, князь Мышкин и Алеша Карамазов. В большинстве же случаев художественные герои Достоевского

раздираемы самыми противоречивыми идеями, страстями, душевными порывами. Один и тот же художественный герой может одинаково сочетать в себе как положительные, так и отрицательные стороны. Взять хотя бы, как пример, Родиона Раскольникова, убившего старуху-процентщицу и в то же время безвозмездно помогавшему семье Мармеладова. Герои Достоевского всегда сложны, всегда противоречивы, и к героям «Бесов» это относится, может быть, в наибольшей степени. В этой связи мы предполагаем всестороннее рассмотрение как негативных антропологических сторон художественных героев, так и собственно позитивных. Надеясь тем самым совершить, по возможности, полный анализ художественных героев романа. В качестве методологической основы мы полагаем статью прот. Вас. Зеньковского «Принципы православной антропологии». С помощью ее мы попытаемся раскрыть природу художественных героев романа в свете православной антропологии.

Структура работы соответствует логике поставленных задач.

Работа состоит из введения трех глав, заключения и списка литературы.

В первой главе дана характеристика негативных героев с привлечением черновых материалов к роману.

Во второй главе представлены оценки главных героев идеологов в философско – критической мысли XX века.

В третье главе рассмотрен авторский идеал в свете православной антропологии.

В заключении подводится итого исследования.

Глава 1. «Негативная антропология» в романе «Бесы»

Рассматривая *негативную антропологию* романа «Бесы», мы прежде всего стремимся раскрыть положительный идеал Достоевского. Отталкиваясь, таким образом, от обратного, как в математическом доказательстве от противного, мы полагаем достичь наиболее полного выявления положительных начал, правоверных принципов христианской антропологии в романе «Бесы».

В этой связи следует отметить, что сам термин «негативная антропология» (применительно к художественному творчеству русских писателей-классиков) имеет давнюю историю. Данный термин впервые был использован при исследовании творчества Н. В. Гоголя, начиная с работ немецкой исследовательницы Х. Шрайер и известного отечественного филолога С. Г. Бочарова. По этому поводу современный исследователь пишет: «Негативизм в данном случае (почти совсем по законам гоголевской амбивалентности) может и должен пониматься двояко. Не только в отрицательном смысле – как изображение недочеловеческого, звериного и или дефектно-механического начала в человеке, ставящего его на одну грань с животным или неживым автоматом, но и в положительном отношении – в аспекте своего рода апофатической антропологии, нацеленной на выявление сокровенной и трансцендентной сущности человека, располагающейся за границами вообще любого позитивного понимания и представления»[1].

Применительно к Достоевскому термин «негативная антропология», в нашем понимании, должен включать негативный полюс художественной антропологии писателя, связанный с системой именно тех персонажей романа, которые отступают от основ христианско-православной аксиологии или откровенно извращают их в своих идейных заблуждениях.

[1]Зырянов О. В. Художественная антропология Н. В. Гоголя: между традиционализмом и авангардом // Н. В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен: коллект. монография / под ред. З. Пехала и О. Зырянова. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouc, 2015. – С. 21

1. 1. Формирование образа Петра Верховенского

Фигуру Петра Верховенского наряду с образом Николая Ставрогина можно назвать центральной в романе «Бесы». Это поистине демонический образ, сопоставимый разве что с Мефистофелем. Личность Верховенского вызывает мистический ужас у Липутина. Ставрогин свидетельствует, что у Верховенского есть такая точка, где он из шута превращается в фанатика. Вместе с тем отец Верховенского, Степан Трофимович, сообщает Кириллову, что сын его в ранние годы клал перед сном земные поклоны и крестил подушку. Многое в романе из жизни Петра Верховенского опущено. Достоевский не описывает того, как Верховенский из благочестивого ребенка превратился в меркантильного, честолюбивого нигилиста. Перед нами предстает лицо законченное, сформировавшееся лицо. Многое в этом художественном герое окутано таинственным мраком.

Становление художественного образа Петра Верховенского происходило в сознании автора непросто. По мере написания романа Достоевский, давал самые противоречивые оценки конкретному историческому прототипу героя – личности Нечаева. Во многом это связано с тем, что Достоевский знакомился с личностью Нечаева постепенно. История убийства студента Иванова Сергеем Нечаевым стала известна Достоевскому, когда он находился за границей. Это уникальное для того времени событие стало известно писателю из газет. Вот что писал Достоевский по этому поводу Каткову: «Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет»[2]. Действительно, громкое убийство Иванова Нечаевым широко освещалось в прессе, как в русской, так и немецкой. Однако, стоит отметить, что газетные публикации предоставляли самый

[2]Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29, кн. I. С. 141.

общий материал по делу Нечаева. Многие сведения носили легендарный характер. Некоторые статьи отличались крайней необъективностью, а в некоторых случаях откровенной предвзятостью. Все эти обстоятельства отразились на ранних главах романа и, в частности, на образе Верховенского, когда он предстает лицом комическим и несерьезным. Об этом пишет и сам Достоевский в том же письме Каткову: «Моя фантазия может в высшей степени разниться с бывшей действительностью, и мой Петр Верховенский может нисколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству. Без сомнения, небесполезно выставить такого человека; но он один не соблазнил бы меня. По-моему, эти жалкие уродства не стоят литературы. К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня лицом комическим»[3].

Совсем другие тенденции обнаруживаются в развитии образа Петра Верховенского после того, как Достоевский обращается к материалам судебного разбирательства в отношении нечаевцев. Подсудимые характеризовали Нечаева как преданного своему делу человека, обладавшего чрезвычайными способностями и влиянием среди революционно настроенной молодежи. Вместе с тем в ходе судебного разбирательства были выявлены и другие черты характера Сергея Нечаева. Так подсудимый Г. Енишерлов характеризовал Нечаева как циничного авантюриста, способного ради своих целей пойти на какую угодно человеконенавистническую акцию не только в отношении тех людей, которых он считал своими врагами, но и в отношении своих соратников по революционному делу. Другой подсудимый Успенский напротив всячески пытался оправдать Нечаева в глазах обвинения, заявляя, что Нечаев не мог убить человека из личной неприязни. Другое интересное обвинение было выдвинуто в отношении Нечаева со стороны вышеупомянутого Енишерлова. Он утверждал, а, точнее, подозревал Нечаева

[3] Там же С. 141.

в том, что тот связан с III Отделением и что на его совести множество загубленных человеческих судеб. «Нечаев насиловал убеждения многих молодых людей, запугивая их, и Флоринский, по-видимому, боялся доноса со стороныНечаева. «Говорили, я это сам слышал», – показывает Лихутин, – «что Нечаев присылаетиз-за границы своим знакомым разные письма резкого содержания, желая тем скомпрометировать этих лиц, чтобы они были арестованы. Это составляло одну из черт его характера» Енишерлов заявил даже, что он начал смотреть на Нечаева, как на правительственного агента»[4]. Эти подозрения были использованы Достоевским в романе.Так, Николай Ставрогин подозревает Верховенского в сотрудничестве с высшей полицией:

«– А слушайте, Верховенский, вы не из высшей полиции, а?

– Да ведь кто держит в уме такие вопросы, тот их не выговаривает.

– Понимаю, да ведь мы у себя.

– Нет, покамест не из высшей полиции»[5].

Помимо подозрения Енишерлова о сотрудничестве Нечаева с высшей полицией, на судебном процессе были даны показания Риапаном о том, что Нечаев часто угрожал участникам кружка тем, что за ними ведется надзор со стороны тайной полиции центрального комитета. И что если кому-нибудь из них вздумается покинуть или донести на общество, то это станет известно центральному комитету, который будет мстить изменникам.

Судебный процесс над нечаевцами дал значительный материал для развития и углубления образа Петра Верховенского. В первой части романа Петр Верховенский предстает перед читателем в роли этакого фанфарона, у которого на все всегда готовые ответы. Благодаря этому и сам роман в первой его части носит памфлетный характер. Совсем другой образ Верховенского мы видим в последующих частях романа, особенно в главе «Иван-Царевич». Верховенский из хлестаковствующего шута оборачивается в фанатика,

[4]Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения т. 18 М.: Государственное Издательство Политической Литературы 1961 С. 405

[5] Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 379

одержимого идеей власти над миром. Данный переход также отмечается японским исследователем А. Андо в его работе «К истории создания образа Петра Верховенского»: «Набросанный здесь план введения в действие образа Студента–его «мизерное» появление и внезапное «вырастание» – заключаетв себе зародыш дальнейшего развития, в результате которогогерой станет «обманщиком-самозванцем», чем-то вродеХлестакова, хотя и зловещего»[6]. В качестве программы по реализации своих целей Верховенский избирает шигалевщину – теорию, разработанную Шигалевым, теоретиком-«человеколюбцем». Он исходит из безграничной свободы и заключает безграничным деспотизмом.

1. 2. Шигалев и «шигалевщина»

В черновых набросках, время возникновения которых относится к июлю 1871 г., представлены общие соображения Достоевского обидеях, которыми руководствовался Нечаев. В этих так называемых«принципах Нечаева» обозначены положения, которые в окончательном варианте романа были приписаны Шигалеву. По сути, под «Принципами Нечаева» автором представлена «шигалевщина». Таким образом,идея шигалевщины в ранних редакциях романа принадлежала Нечаеву, реальному прототипу Петра Верховенского. Однако в последующих, окончательных редакциях роль Верховенского сводится к практической деятельности. Теоретическая разработка нового общества возлагается на Шигалева.

В шигалевщине Достоевский подверг обличению целый рядсоциалистов утопического толка. В самом романе хромой учитель, разъясняя систему, разработанную Шигалевым, упоминает трех представителей утопического социализма: Фурье, Кабета и Прудона. Однако указанные мыслители, наряду с Платоном, Фурье и Руссо, признаются Шигалевым сказочниками и

[6]Андо А. к истории созданияобразаПетраВерховенского («Бесы») // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: 1987 С. 180

глупцами. Взамен устаревших социальных систем Шигалевым предлагаются новая социальная формула, сутькоторой заключается в разделении человечества на две неравные части.При этом наименьшая часть разделенного человечества предназначается к руководству над остальным подавляющим большинством будущего общества. Руководящее меньшинство выполняют свои функции при полном сохранении личности. Большинство же призвано утратить личностные качества и обратиться в стадо. Уничтожения в человеке личности предполагалось достичь путем понижения уровня образования и прямого уничтожения неординарных людей. Русский религиозный мыслитель Василий Васильевич Розанов углубил понимание предполагаемых преобразований Шигалева: «Погасить в нем [в человеке]все неопределенное, тревожное, мучительное, упростить его природу до ясности коротких желаний, понудить его в меру знать, в меру чувствовать, в меру желать – вот средство удовлетворить его наконец и успокоить»[7].

В социальной теории, разработанной Шигалевым, усматривают пародию на социальные воззрения Бакунина, Нечаева, Ткачева, Жаклара и Рошфора. Эти и другие представители социализма призывали к уничтожению института семьи, брака, собственности, религии, государства. Распространялась идея необходимости уравнения умов под предлогом того, что человечество уже достигло необходимых знаний для создания «идеального» общества, а значит, науки достигли своего предела и поэтому не нужны. При этом стоит отметить, что Шигалевым были отвергнуты не все положения критикуемых предшественников. Так, в Икарийской коммуне Кабе все жители равны между собой во всех отношениях:одинаковые дома, одежда. Детально разработанное законодательство регулирует брачные и семейные отношения, тем самым исключая ревность и измену в обществе. Жители Икарийской коммуны изменяют законы природы путем уничтожения сорняков, вредных животных и насекомых. Существующий общественный

[7] Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 141

строй в коммуне Кабе поддерживается через тотальный контроль со стороны полиции и всего общества: «Нигде вы не найдете такой многочисленной полиции. Ибо наши общественные служащие и даже все наши граждане обязаны следить за выполнением законов и преследовать или изобличать все преступления, свидетелями которых они являются»[8]. В Икарийской коммуне помимо круговой поруки осуществляется контроль за деятельностью театров, издательств, действует цензура, существует практика сжигания вредных книг. Эти идеи нашли свое развитие в шигалевщине: «У него хорошо в тетради, – продолжал Верховенский, – у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны»[9].

Теоретические положения, разработанные Шигалевым, часто сравниваются со статьями участника движения «Народная расправа» П. Н. Ткачева. В частности, некоторые исследователи полагают, что Достоевскому была известна вводная статья Ткачева к «Примечаниям к Бехеру». Действительно, в этой статье Ткачев, занимаясь разбором предыдущих социальных систем, приходит к скептическому выводу относительно состоятельности и практичности разработок предыдущих мыслителей. К тем же выводам пришел Шигалев. За участие в организованном Нечаевым террористическом обществе «Народная расправа» Ткачев был приговорен к одному году и четырем месяцам лишения свободы. После отбытия наказания Ткачевэмигрировал за границу, где продолжил свою пропагандистскую деятельность. Замечательна его статья, написанная в эмиграции: «Терроризм как единственное средствонравственного и общественного возрождения России». В какой-то степени эту статью можно назвать результатом всего творчества П. Н. Ткачева. Особого внимания заслуживают следующий фрагмент данной статьи: «Революционный терроризм является, таким

[8]Кабе Э. Путешествие в Икарию Философский и социальный роман в 2 т. Т 1. Л.: Издательство Академии Наук, 1948 С. 320.
[9]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 408.

образом,не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, является единственным действительным средством нравственно переродитьхолопа-верноподданного в человека-гражданина»[10].Из этого довольно позднего сочинения Ткачева, написанного им в газете «Набат», в Женеве в 1881 году, следует признание необходимости освобождать человека при помощи «революционного терроризма». При этом следует отметить, что революционный террор предполагается использовать не только в борьбе с классовыми врагами, но и в нравственном перевоспитании«освобожденного» человека.

Общественный строй, предложенный Шигалевым, является конечной целью. В романе Верховенский признает шигалевщину как безупречный политический строй, но при этом замечает, что для достижения этого «идеального» общества необходимо заняться черной работой. В деле нечаевцев фигурировал документ, именуемый «Катехизисом революционера». Этот документ представляет собой своего рода программу по реализации конечной цели – шигалевщины.

1. 3. «Катехизис революционера»

«Катехизис революционера» – пожалуй, самый одиозный документ, фигурировавший в деле «Народной расправы». Этот документ был воспринят даже в революционных кругах с недоумением. В нем провозглашалось полное забвение человеческих принципов во имя всеразрушающей революции. Достоевский во всей полноте отразил весь цинизм этого документа в образе Петра Верховенского. Можно даже сказать, что всядеятельность Петра Верховенского и его сообщников полностью продиктована «Катехизисом революционера». Распространение хаоса среди населения, распространение

[10]Ткачев П. Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. -С. 736.

слухов, интриг, использования уголовных методов в свержении существующего строя – все эти пункты были реализованы в романе. «Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должнысоединиться с теми элементами народной жизни, которые со времениснования московской государственной силы не переставалипротестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо иликосвенно связано с государством: против дворянства, противчиновничества, против попов, против гилдейского мира и противкулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этимистинным и единственным революционером в России»[11]. Этот пункт «Катехизиса революционера» получил развитее в образе Федьки каторжного, который используется Петром Верховенским в организации поджогов и убийства Лебядкиных. Интересным обстоятельством является то, что Федька каторжный, в конечном счете, выходит из-под контроля Верховенского. Будучи преступником, Федька являет собойудивительный образ религиозности. Очень красочны его слова, адресованные к Верховенскому: «И знаешь ли ты, чего стал достоин уже тем одним пунктом, что в самого Бога, творца истинного, перестал по развратту своему веровать? Всё одно что идолопоклонник, и на одной линии с татарином или мордвой состоишь. Алексей Нилыч, будучи философом, тебе истинного Бога, творца создателя, многократно объяснял и о сотворении мира, равно и будущихсудеб и преображения всякой твари и всякого зверя из книги Апокалипсиса. Но ты, как бестолковый идол, в глухоте и немоте упорствуешь и прапорщика Эркелева к тому же самому привел, как тот самый злодей-соблазнитель, называемый атеист».[12] Этот поразительный характер, включающий в себя одновременно преступные черты и веру в Бога,показывает, как далеки были представления революционной интеллигенции о том контингенте, при помощи которого они намеревались реализовывать свои цели. В конечном

[11]Государственные преступления в России XIXв. Сборник, извлеченный из официальных изданий правительственных сообщений. СПб.: Русская историческая библиотека, 1904. С. 185
[12]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014 с.

счете, содружество революционеров в лице Верховенского с преступным миром заканчивается провалом. Относительно характера Федьки каторжного у Достоевского есть очень точные слова: «Многосторонность необыкновенная! И какая способность к самым противоречивейшим ощущениям! Я и тогда был этим утешен, да и теперь тех же мыслей. Оттого-то у нас так и много «широких натур», которые даже при самом последнем паденьи никогда не теряют своего идеала; и хоть и пальцем не пошевелят для идеала-то, хоть разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слез свой первоначальный идеал уважают и необыкновенно в душе честны. Да-с, только между нами самый отъявленный подлец может быть совершенно и даже возвышенно честен в душе, в то же время нисколько не переставая быть подлецом. Повторяю, ведь сплошь да рядом из наших романтиков выходят иногда такие деловые шельмы (слово «шельмы» я употребляю любя), такое чутье действительности и знание положительного вдруг оказывают, что изумленное начальство и публика только языком на них в остолбенении пощелкивают»[13].Действительно, образ Федьки каторжного есть пример такой широкой натуры, очень верно подмеченной Достоевским. В какой-то степени Федька каторжный есть собирательный образ того разбойничьего мира, который хотел использовать Верховенский.Достоевский, бывший на каторге и знавший этот мир не понаслышке, понимал ошибочность представлений Верховенского о возможности эксплуатировать этих людей.

Другим удивительным пунктом «Катехизиса» является мысль о необходимости разделения соратников по революции на разряды. Это разделение предполагало определенную иерархию. Представителей низшего звена данной иерархии необходимо, согласно «Катехизису», воспринимать как материал,предназначенный для выполнения роли пушечного мяса. Цинизм данного положения поражает своей откровенностью. Эта идея «Катехизиса» обыграна Достоевским с замечательной полнотой.

[13]Достоевский Ф. М. Собрание повестей и рассказов в одном томе – М.: Изд. «Э», 2015 С. 1147.

Верховенский третирует своих соратников по революции с замечательным пренебрежением. Откровенно оскорбляет и запугивает их. Само убийство Шатова имеет главную цель – связать участников пятерки с тем, чтобы устранить в них всякую мысль о сопротивлении Верховенскому.

В общем, весь этот документ показывает всю фантастичность задуманного Нечаевым. Разрушение государственного строя предполагалось осуществить сказочными способами – удержанием в страхе самих революционеров и привлечением разбойничьей силы, не поддающейся никакому контролю. В главе «У наших» Достоевский изображает заседание так называемых революционеров в памфлетно-насмешливом виде. Все участники заседания относятся друг другу с удивительным высокомерием. Подчеркивается отсутствие всякой согласованности и взаимной уважительности по отношению друг другу, так что Николай Ставрогин после заседания «у наших» определяет всех собравшихся дураками. Действительно все собравшиеся на вечере у Вергинского удивительно непоследовательны, все друг с другом спорят, никто не понимает смысла собрания, кому, за что вотировать, кого слушать. Вся эта сцена, описанная в главе «У наших», показывает всю абсурдность устремлений собравшихся. В некоторой степени описанное в главе «У наших» собрание являет собой концентрат того абсурда, который замышлялся Верховенским. Говоря об абсурде, нельзя не упомянуть главного апологета абсурдной логики – Алексея Кирилова. Этот философ нигилистического толка полагал, что, убив себя, станет богом.

1.4. Кириллов

В черновых записях к роману «Бесы» Достоевский, говоря о невозможности веры во все догматы церкви, ссылается на работу Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса»[14]. Как известно, эта работа получила самые

[14]Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 11, Л.: Наука, 1974 с.178

противоречивые оценки. Иисус представлен Ренаном как обычный человек, божественность и мессианство Иисуса отвергалось. Эти идеи отразились в монологе Кириллова: «– Всем узнавать; все узнают. Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным. Вот Он сказал. И он с лихорадочным восторгом указал на образ Спасителя, пред которым горела лампада. Петр Степанович совсем озлился.

– В Него-то, стало быть, всё еще веруете и лампадку зажгли; уж не на «всякий ли случай»?

Тот промолчал.

– Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа.

– В кого? В Него? Слушай, – остановился Кириллов, неподвижным, исступленным взглядом смотря пред собой. – Слушай большую идею: был на земле один день, и в средине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и Этого, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек?»[15].

Другим предполагаемым источником философских воззрений Кириллова принято считать религиозные споры петрашевцев, участником собраний которых был сам Достоевский. Петрашевцы в вопросах религии в большинстве своем являлись сторонниками Людвига Фейербаха. Они

[15]Там же С. 602.

держались идеи антропотеизма, то есть обожествления человека. Петрашевский пишет в своей работе «Карманный словарь иностранных слов»: «Натурализм, находясь на этой степени своего рационального развития, считает всеобщее признание божества в положительных религиях происшедшим от обоготворения человеком своей личности и общих законов своего мышления, все религии, которые представляет нам историческое развитие человечества, считает постепенным приготовлением человечества к антропотеизму или полному самосознанию жизненных законов природы»[16] . Петрашевцы, вслед за Фейрбахом, считали, что все предыдущие религии подготавливали человечество к антропотеизму. Антропотеизм они считали высшим достижением человеческого разума, своего рода новой религией с культом человека. Спешнев, участник кружка петрашевцев, так говорит в одном из своих писем: «Я вовсе не намерен отрицать, что гуманитаризм, обожествление человечества или человека, антропотеизм – одна из доктрин новейшего времени. Вы правы: весь немецкий идеализм XIX века – «великая» немецкая философия, начиная с Фихте… метит лишь в антропотеизм, пока она, достигнув в лице своего последнего знаменосца и корифея – Фейербаха – своей вершины и называя вещи своими именами, вместе с ним восклицает: «Homo homini deus est» – человек человеку бог… Антропотеизм – тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между богом-человеком и человеком-богом так уж велика?»[17]Для Кириллова, как и для петрашевцев, идея человекобожества является высшим проявлением человеческого гения. В то же время Кириллов не отрицает Бога во всей полноте, он понимает, что Бог необходим. Это противоречие Кириллов разрешает в пользу человекобога, он отвергает Бога, говоря, что «Бог есть боль

[16]Петрашевцы. Сборник материалов / под ред. П. Е. Щеголева: в 3 т. М.: Красный Пролетарий, 1926. Т. 2. С. 13.
[17]Петрашевцы об атеизме религии и церкви. М.: Мысль, 1986. С. 165–168.

страха смерти»[18]. Бог, по мнению Кириллова, был создан человечеством из-за страха перед смертью. И теперь, чтобы покончить с Богом окончательно, нужно сметь убить себя с тем, чтобы показать беспомощность смерти перед человеком «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя»[19] . Кириллов хочет освободиться от Бога и от страха перед смертью и, показав этим свою страшную свободу, самому стать богом и спасти все человечество.

1.5. Николай Ставрогин как метафизический центр романа

Образу Николая Ставрогина посвящено большое количество исследовательской литературы. Действительно, этот образ является центральным в романе, вокруг него, как в калейдоскопе, крутится весь сюжет художественной хроники. Почти все герои романа так или иначе очарованы Ставрогиным. Кириллов, Верховенский, Шатов прямо признаются в том, что Ставрогин оказал на них значительное влияние. Но, заразив своих адептов богоборческими либо патриотическими идеями, сам Ставрогин ни с чем не смог вполне солидаризироваться. Николай Ставрогин, по нашему мнению, представляет собой Россию второй половины девятнадцатого столетия, наполненную бесами нигилизма, богоборчества, ненависти. Ставрогин раздираем противоположными идеями, он не находит покоя от тех противоречий, которые терзают его непрестанно. Революционность Верховенского, призывающего все жечь, нигилизм Кирилова, дошедшего до безумия и самоубийства, патриотизм Шатова – все это Николай Ставрогин, все это Россия девятнадцатого столетия. Что же послужило причиной такого расщепления страны и художественного героя Достоевского? Ответ очевиден: забвение Бога и Правды Его. Утрата веры в Бога и, как следствие, утрата целомудрия (целостности мудрости) привело человека и страну к распаду.

[18]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 115.
[19]Там же.С. 116.

Потеряв свой Центр, человек оказался расколот на противоречащие друг другу составляющие.

Как видно из самого романа «Бесы», а также из подготовительных материалов к нему, Николай Ставрогин представляет собой образ молодого человека с задатками философа, устремленного к общественной деятельности. В ранней молодости Ставрогин проникся идеями западничества через посредство Степана Трофимовича Верховенского, а затем идеями социализма. Однако вскоре к Ставрогину пришло осознание ложности данных учений, в связи с чем он приходит к убеждению в необходимости разорвать с прежним образом мысли путем приобщения к традиционным духовным ценностям. В этой связи Достоевский приходит к идее ввести духовного наставника, который бы принялся духовно окормлять главного героя. Изначально роль духовного наставника была возложена на бывшего старообрядца Голубова. Однако в дальнейшем данная миссия была закреплена за Тихоном, бывшим архиереем, находящимся на покое. В подготовительных материалах Тихон занимается духовным окормлением главного героя на протяжении всего повествования, в окончательной же редакции роль Тихона сводится до одного эпизода. Введение фигур Голубова и Тихона в канву романа делает повествование типичным образцом романа воспитания. Это подтверждается также тем, что Тихон, как положительный образец наставника, противопоставляется отрицательному образцу наставничества, выраженному в образе Степана Трофимовича Верховенского.

В форме наставничества раскрывается сама фигура Николая Ставрогина. В этой связи образ Николая Ставрогина становится понятным только контексте рассмотрения героев Кирилова, Шатова, Верховенского, разобранных нами выше. Указанные герои есть следствия наставнической деятельности Николая Ставрогина. По мысли русского религиозного философа Сергия Булгакова, Кириллов, Шатов, Верховенский есть эманации Николая Ставрогина.

Другим любопытным эпизодом из жизни Николая Ставрогина является развращение несовершеннолетней девочки Матреши. Преступление Ставрогина в отношении малолетней девочки есть аллегория на распространение нигилизма в народной массе. Народ персонифицирован в Матреше в невинном существе. Ставрогин – это персонификация нигилизма, который покусился на безответное существо с целью развращения и убийства (самоубийство Матреши) этого существа. Надо сказать, что этот прием часто использовался Достоевским в других романах. Так в «Братьях Карамазовых», на наш взгляд, возможно проследить ту же аллегорию. Интеллигент Иван Карамазов доходит в своих рациональных суждениях до отрицания Бога, морали и нравственности, заражает своими идеями лакея Смердякова, в результате чего тот убивает Федора Павловича Карамазова. Любопытным представляется то, что Иван Карамазов испугался результатов своих идейных построений, которыми в сущности руководствовался Смердяков. В этом Достоевский предвидел всю абстрактность и умозрительность современных ему социально-философских идей, которые с внедрением в народ могут привести к катастрофическим последствиям: «– Всё тогда смелы были-с, «всё, дескать, позволено», говорили-с, а теперь вот так испугались! – пролепетал, дивясь, Смердяков».[20]Преступление Смердякова, в сущности, возлагается на идейного вдохновителя – Ивана Карамазова. В том же преступлении обвиняется и Николай Ставрогин – в развращении невинной девочки из народа. Здесь уместно также провести сюжетную параллель между исповедью Ставрогина и «Сном смешного человека». Как и Ставрогин, Смешной человек приходит к осознанию своего преступления после сна, в котором ему представляется идеальный мир, безгрешный в своем существе. В рассказе Смешного человека эта ситуация раскрыта более подробно, чем в исповеди Ставрогина. Смешной человек понимает, что он является причиной грехопадения людей, до него не знавших греховного состояния. Не случайно

[20]Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы М.: Эксмо, 2015. – с. 748

и то, что, когда Смешной человек попадает в своем сне на безгрешную и землю и узнает в ней точную копию той земли, которую он покинул, перед ним предстает образ бедной девочки, которую он обидел. «– Но если это – солнце, если это совершенно такое же солнце, как наше, – вскричал я, – то где же земля? – И мой спутник указал мне на звездочку, сверкавшую в темноте изумрудным блеском. Мы неслись прямо к ней.– И неужели возможны такие повторения во вселенной, неужели таков природный закон?.. И если это там земля, то неужели она такая же земля, как и наша... совершеннотакая же несчастная, бедная, но дорогая и вечно любимая и такую же мучительную любовь рождающая к себе в самых неблагодарных даже детях своих, как и наша?.. – вскрикивал я, сотрясаясь от неудержимой, восторженной любви к той родной прежней земле, которую я покинул. Образ бедной девочки, которую я обидел, промелькнул передо мною»[21]. Таким образом, Достоевский через сны о безгрешном рае приводит своих героев к осознанию содеянных ими поступков. Здесь возможно интерпретировать данные художественные сцены в контексте учения о макрокосме и микрокосме. В сущности, Достоевский сводит преступление в отношении одного человека к преступлению в отношении всего народа и всего человечества.

Итак, Николай Ставргин представляет собой образ пораженной западничеством и нигилизмом России. Увлекшись идеям западных просветителей, русская интеллигенция возвела западный образ жизни в идеал, что привело к появлению нигилизма, отрицания всего русского, исконного, коренного. Практическая реализация воспитания Ставрогина в духе западничества и социалистических идей получила выражение в развращении несовершеннолетней девочки Матреши. Достоевский пытается указать путь предотвращения нигилистических тенденций в русском обществе, указав путь монашества. Однако русская интеллигенция в лице Николая Ставрогина отвергла данный путь, что привело к ее погибели. В этом образе Достоевским

[21] Достоевский Ф. М. Собрание повестей и рассказов в одном томе – М.: Изд. «Э», 2015 С. 1414.

угадана судьба русской интеллигенции. В некотором смысле самоубийство Ставрогина стало пророческим сценарием всей русской интеллигентской элиты.

Выводы

Рассмотрев «негативную антропологию» в романе «Бесы» путем анализа отрицательных героев – Верховенского, Шигалева и Кириллова – мы пришли к следующим выводам.

Становление художественного образа Петра Верховенского протекало весьма непросто. Познакомившись с делом «Народной расправы» за границей, Достоевский представляет Верховенского в первой части своего романа в образе шута. С прибытием в Россиюписатель знакомится с делом нечаевцев непосредственно. Этоспособствует углублению образа Верховенского. В последующих частях Петр Степанович предстает перед читателем в образе необузданного фанатика, одержимого идеей власти над человечеством.

Шигалевщина в подготовительных материалах к роману приписывается Верховенскому. В окончательном же варианте теоретическая часть принадлежит Шигалеву, а практическая реализация шигалевщины возлагается на Верховенского. Источником практической реализации шигалевщины послужил «Катехизис революционера», Верховенского же можно назвать в какой-то степени олицетворением этого документа. Шигалевщина, как видно из вышеизложенного, представляет собой памфлетно-сатирическое изображение социальных теорий утопического толка. Интересным обстоятельством является то, что Шигалев приходит к идее порабощения человечества,преследуя, в сущности, благородную цель – осчастливить людей безграничной свободой. Однако результат парадоксальным образом оказался прямо противоположным изначальной предпосылке о безграничной свободе. Это обстоятельство потрясает Шигалева и приводит его в отчаянье.

Что касается так называемого «Катехизиса революционера», то здесь стоит отметить, что методы, изложенные в данном катехизисе, вполне закономерны, если допустить, что они предназначены для реализации шигалевщины. Действительно, что можно ожидать от программы, реализующей абсолютное рабство? Иезуитская методика достижения цели вполне вписывается в идеологию шигалевщины. Достоевский провидчески определил, что программа действий, представленная в «Катехизисе революционера», возможна только в достижении безграничного деспотизма. Человек, составивший этот документ, может желать только абсолютного закрепощения личности во имя всеобщего равенства. И если Шигалев приходит в отчаянье от вывода, к которому пришел, то Верховенский приходит в восторг. Данное обстоятельство подчеркивает в своей статье «Обломовщина» и «Шигалевщина» В. А. Туниманов: «Шигалев – чистый теоретик и, при всем безумии, честный и независимый человек, Петра Верховенского он не боится и бесконечно его презирает»[22].

Образ Кириллова сложен и многогранен, он выражает собой всю противоречивость того времени. Наблюдая за развитием философской мысли, Достоевский увидел в ней причину нравственного разложения общества. Фейербах, Ренан являлись источниками мировоззренческой концепции Кириллова. Под влиянием новейших философских систем Кириллов утратил веру в Бога, но в то же время он понимает необходимость Бога и объявляет богом себя. Но чтобы стать богом, необходимо уничтожить страх перед смертью, так как, по мнению Кириллова, люди создали Бога, боясь неизвестности после смерти, и теперь тот, кто не побоится убить себя, тот станет богом. Кириллов – плод философских измышлений XIX века, образ интеллектуальной крайности, свойственной тогдашней интеллигентской элите. Нигилизм явился следствием увлечения подобного рода философией: отрицание Бога на метафизическом уровне – это вверх нигилизма. Именно

[22] Туниманов В. А. «Обломовщина» и «шигалевщина» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 18. СПб.: «Серебряный век», 2003. С. 98.

благодаря нигилизму Россия была подвергнута тем страшным напастям, произошедшим в XX веке. Отрицание Бога, издевательства и насмешки над всем традиционным, привели к печальным событиям революции. Самоубийство Кириллова – своего рода прогноз конечного исхода нигилизма, указание на его духовную мертвенность и необратимость самоуничтожения.

Николай Ставрогин представляет собой всю совокупность рассматриваемых нами героев. В каком то смысле Ставрогин есть персонификация РоссииXIXстолетия. Идейная разобщенность, раздробленность свойственная России в XIXв. Стала самим существом Николая Ставрогина. результатом этой децентрализации стало преступление Николая Ставрогина в отношении Матреши. В данном преступлении мы усматриваем аллегорию взаимоотношений русской интеллигенции с народом. Внедрение в сознание народа идейных абстракций, разработанных в интеллигентских кругах, приведет к уничтожению как народа так и интеллигенции.

Глава 2. Оценка «негативной антропологии» героев романа «Бесы» в философско-критической мысли XX века

2.1. Шигалевщина

В рассмотрении результатов, вытекающих из теоретических построений Шигалева, мы предлагаем обратиться к работе французского философа Альбера Камю «Бунтующий человек». В этой работе мыслитель рассматривается бунт человека во всех его проявлениях. В связи с этим Камю ставится вопрос о необходимости совершения убийства во имя свободы. Возможность массового уничтожения людей во имя светлого будущего ставит французского мыслителяв тупик. Действительно ЕвропаXX-го века стала ареной страшных войн и революций, в ходе которых обнаружилась тенденция ужасающего пренебрежения к человеческой жизни. «В былые наивные времена, когда тиран ради вящей славы сметал с лица земли целые города, когда прикованный к победной колеснице невольник брел по чужим праздничным улицам, когда пленника бросали на съедение хищникам, чтобы потешить толпу, тогда перед фактом столь простодушных злодейств совесть могла оставаться спокойной, а мысль ясной. Но рабские лагеря, осененные знаменем свободы, массовые уничтожения людей, оправдываемые любовью к человеку или тягой к сверхчеловеческому, – такие явления в определенном смысле просто обезоруживают моральный суд»[23].Альбер Камю разграничивает убийство, совершаемое в состоянии страстного порыва, и убийство во имя «светлой идеи», призванной освободить, либо возродить человечество. С точки зрения Камю, изначальное стремление человека к освобождению от деспотизма есть вполне нормальное явление. Другое дело, что это освобождение перерастает в нигилизм, позволяющий «освободившемуся» человеку уничтожать себе подобных с претензией на

[23] Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 120

абсолютную истину. Камю пытается осмыслить этот неожиданный для XXвека феномен. Его поражает возможность угнетения человека со стороны того, кто еще недавно сам был угнетаем человеком. Оценивая деятельность современных политических деятелей Сталина, Гитлера, Ленина, Альбер Камю приходит к мысли, что причиной страшных деяний этих людей стал нигилизм, прямо вытекающий из философских идей Гегеля, Маркса, Ницше. Камю замечает, что, вероятнее всего, указанные философы не одобрили бы действий своих последователей. Однако наряду с этим замечанием он добавляет, что философские идеи Льва Толстого Монтескье и Канта не могут быть интерпретированы в пользу уничтожения людей. Таким образом, Камю обвиняет в трагедиях XXвека философов материалистического и нигилистического толка.

Говоря о нигилизме как искажении доброго желания социальной свободы человека, Камю иллюстрирует данную проблему, прямо обращаясь к образу Петра Верховенского: «Тогда начинается предсказанная в "Бесах" эпоха шигалевщины, восхваляемая нигилистом Верховенским, защитником права на бесчестье. Этот злосчастный и беспощадный ум избрал своим девизом волю к власти, ибо только она дает возможность руководить историческим процессом, не ища оправданий ни в чем, кроме самой себя Свои идеи он позаимствовал у "филантропа" Шигалева, для которого любовь к людям служит оправданием их порабощения»[24].Освободившись от гнета деспотизма, человек сам избирает деспотизм. Абсурдность результата освобождения человека поражает Камю. Вместе с тем он отмечает, что в сущности результат этот закономерен, если исходить из того, что «освобождение» человека от рабства начиналось с террора в отношении отдельных индивидуумов. Что же удивительного в том, что освобожденный подобными методами человек продолжил практику террора уже на государственном уровне, в отношении целых обществ. Рассуждая об этом,

[24]Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. с. 253

Камю опять же обращается к русской революционной идее. Он говорит о том, что русское освободительное движение, пришедшее к нигилизму, должно было кончить безграничным деспотизмом. Обосновывая этот вывод,Камю обращается к «Катехизису революционера». Он отмечает, что в «Катехизисе революционера» попраны понятия о дружбе, любви, преданности во имя революции. Если раньше борьба с врагом объединяла соратников, то теперь революция становится разъединяющим фактором. Ложь во спасение – становится лозунгом борцов за свободу.

Соглашаясь с общей идеей Альбера Камю о том, что деспотизм является результатом нигилизма, мы бы хотели выразить свое несогласие с утверждением Камю о необходимости бунта как метода установления социальной справедливости. Дело в том, что Камю, как было указано выше, оправдывает бунт человека в разрешении социальных вопросов. Нигилизм у него является фактором, искажающим благородное стремление человека к бунту. Однако стоит отметить, что бунт закономерно приводит к нигилизму, как и нигилизм к деспотизму. Ведь бунт, если рассматривать его с точки зрения Камю, есть отказ от привычных устоев, изменение сложившихся обстоятельств скорыми средствами. Камю признает, что человек на протяжении всей своей истории был бунтовщиком. Однако признание состояния бунта нормой поведения человека есть искажение правды. Бунт по нашему мнению есть отход от нормального состояния человека. Всякий бунт по определению нигилистичен поскольку связан с отрицанием, разрывом с прежним порядком вещей. Как известно, первым бунтарем, согласно Священному Писанию, был дьявол. Дьявол склонил к бунту и человека против Бога. Всякий бунт является продолжением дела дьявола. История не раз показывала что бунт необходимо сопряжен с отрицанием. Все революции в Европе были руководимы духом отрицания и нигилизма.

В своем эссе Альбер Камю так жезатрагивает проблему метафизического бунта против Бога и устройства этого мира. Камю объявляет отрицание Бога прямой составляющей всякого бунта, а затем и нигилизма.

Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы» очень точно определил эту идею: «Там новые люди, – решил ты еще прошлою весной, сюда собираясь, – они полагают разрушить всё и начать с антропофагии. Глупцы, меня не спросились! По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать – о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречется поголовно от бога (а я верю, что этот период – параллель геологическим периодам – совершится), то само собою, без антропофагии, падет всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастия и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог»[25]. Бунт против Бога есть обязательное условие «освобождения» человека. Деспотизм же есть прямое следствие отрицания Бога и бунта. Социальная свобода без Бога возможна только в форме деспотизма, в этом мы согласны с И. Виноградовым: «Если Бога нет, то всё позволено».Ведь именно эта максима, которую, несомненно, откроют длясебя выпущенные на свободу от Бога люди, и приведет их неизбежнов то состояние войны всех против всех, спасение от которойатеисту Шигалеву потому и приходится искать только в деспотизме[26].Свободного человека от прежней нравственности,возможно, сдержать от антропофагии только при помощи деспотизма. Это великолепно угадано Достоевским. Человек, избавленный от бремени совести, подконтролен только тоталитарным режимам, осуществляющим контроль над всеми формами деятельности человека. Таков исход освобождения без Бога.

[25] Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. [Текст] Ф. М. Достоевский – М.: Экспо, 2015. – 928 с. (с. 777)
[26] Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. – М.: Русский путь, 2005. – 672 с. с. 337

2. 2. Кириллов

2.2.1. Кириллов и философия абсурда (А. Камю)

Альбер Камю, помимо шигалевщины, занимался исследованием феномена Кириллова в романе «Бесы». Образ Кириллова рассмотрен Камю в работе «Миф о Сизифе». В этом философском эссе автор пытается ответить на вопрос, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой. За основу данного эссе взят образ Сизифа как метафора бессмысленности человеческого существования.

Приступая к рассмотрению Кириллова, Камю отмечает склонность героев Достоевского в решении вопроса о смысле жизни приходить к крайним заключениям. Им приводится статья Достоевского в «Дневнике писателя» «Приговор», в которой представлены рассуждения логического самоубийцы, оскорбленного тем, что природа произвела его на свет сознающим, что жизнь не имеет смысла, что все действия человека тщетны, так как человек смертен. Находя низким принимать жизнь на таких условиях, герой статьи решает покончить с собой.

По мнению Камю, Кириллов берет за основу своих рассуждений статью логического самоубийцы из «Дневника писателя». Камю отмечает, что Кириллов пришел к мысли о самоубийстве,будучи одержимнекоей идей, и эта идея заключается в том, что Бог необходим, а потому должен быть, но Кириллов знает, что Его нет и не может быть. «Инженер Кириллов заявляет где-то, что хочет лишить себя жизни, поскольку «такова его идея». Это нужно понимать буквально: ради идеи мышление готовит себя к смерти. Это высшее самоубийство. От сцены к сцене последовательно высвечивается маска Кириллова, и перед нами возникает вдохновляющая его смертельная мысль. Инженер принимает приведенное в «Дневнике» рассуждение. Он чувствует, что Бог необходим, а потому должен быть. Но он знает, что Его нет и быть не может. «Неужели ты не понимаешь, – восклицает он, – что из-за этого только

одного можно застрелить себя?»[27] Далее Камю пишет, что притязания Кириллова на божественность также абсурдны: «Рассуждение его классически ясное. Если бога нет, Кириллов – бог. Если бога нет, Кириллов должен убить себя. Следовательно, Кириллов должен убить себя, чтобы стать богом. Это абсурдная логика, но она-то здесь и необходима»[28].

Камю развивает мысль о том, что Кириллов бог только в теории, в быту он ведет себя как обычный человек, следственно, Кириллов приписывает себе божественный статус не из тщеславия, а по другой причине. Этой причиной является претензия Кириллова не на Богочеловечество, а на человекобожество. Кириллов строго разделяет эти понятия. Камю выставляет на вид, что Кириллов не желает отличаться от Христа, напротив, он пытается перетянуть Христа на сторону страдающего человечества, представляя Христа обманутым законами природы. Из этого Камю заключает, что Кириллов, говоря о том, что он бог, говорит в приземленном смысле, он догадался, что Бога нет и теперь все находится в руках человека. Между тем Камю задается вопросом: зачем Кириллов, осознав, что все в руках человека и что человек царь земли, убивает себя? И отвечает на этот вопрос, что самоубийство несло педагогический характер. Кириллов убил себя для того, чтобы открыть «истину» человечеству. А значит, самоубийство произошло не от отчаяния, а от «человеколюбия». Придя к такому выводу, Камю, однако, замечает, что освобожденными царями являются Ставрогин, Иван Карамазов, и тот и другой претендуют, по мнению Камю, на царственный статус. Однако Ставрогин покончил с собой, а Иван Карамазов сошел с ума, и, значит, смерть Кириллова была напрасна, и в этом Камю также видит абсурдность. Заключает Камю свои размышления ответом самого Достоевского на протесты критиков относительно статьи о логическом самоубийце: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого (ибо без него следует самоубийство), то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества,

[27]Камю А. Миф о Сизифе. Калигула: М.: АСТ, 2017. С. 258.
[28]Там же. С. 259.

а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно»[29]. Из этого Камю заключает, что Достоевский противопоставляет абсурду веру в загробную жизнь.

Интерпретация Кириллова Альбером Камю продиктована контекстом мифа о Сизифе. Автор полагает, что Кириллов стал квинтэссенцией абсурдности у Достоевского. Начиная с причин самоубийства Кириллова и заканчивая следствиями его самоубийства, все представлено Камю с абсурдной точки зрения. Ставрогин и Иван Карамазов – «освобожденные цари» – заканчивают самоубийством и сумасшествием. «Жертва» Кириллова напрасна, он не достиг своим действом положительных результатов, а в этом абсурдность его заблуждения. Начиная абсурдом, он и заканчивает абсурдом. Минутная надежда Кириллова освободить человечество попрана результатами этой попытки.

2.2.3. Кириллов и Ницше (Д. С. Мережковский)

Дмитрий Сергеевич Мережковский рассматривает Кириллова в своей монографии «Толстой и Достоевский». В этой монографии автор сопоставляет творчество двух писателей. Кириллов в этой работе представлен в сопоставлении с Ницше. За основу своих рассуждений Д. С. Мережковский берет диалог Кириллова со Ставрогиным о листе[30].

Мережковский акцентирует внимание на этом диалоге,усматривая в нем параллели с христианством. «Все хорошо» Кириллова – это смирение в христианском смысле: «Все необходимо, все хорошо, я всему молюсь». Но ведь точно так же мог бы сказать (да и в самом деле говорит) старец Зосима: «Все хорошо и великолепно, – говорит он, – потому что все истина. Все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет». Тут совпадение старца Зосимы с Ницше-Кириловым даже до этого, как будто

[29]Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9, кн. 1.: Дневник писателя. М.: Астрель АСТ, 2007. С. 533.
[30]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 234–235.

случайного, "зеленого листика", который внушает ему "открытие", что "всехорошо", – открытие Америки после Колумба, открытие христианства после Христа. До Христа было "терпение", была покорность, был ужас или ропот, но нигде никогда не было "любви к року": этот есть нечто чуждое, непонятное ни варвару, ни эллину, ни иудею, несоизмеримое ни с одной из дохристианских религий. Я должен любить рок, как Исаак, над которым Авраам занес жертвенный нож, любить отца своего; вместо терпения – любовь; вместо рабского, робкого терпения – свободная, бесстрашная, сыновняя любовь. Но ведь это же и есть, хотя не названная, не сознанная, несомненная, однако "самая внутренняя сущность" (die innerste Natur) учения Христова: "Отче! Не Моя, а Твоя да будет воля»[31]. Однако разница между Христом и Кириловым в том, что последний смиряется, отвергая существование Бога. Утверждая христианские ценности, Кириллов возлагает реализацию этих ценностей на человека. Далее Мережковский указывает на совпадение учения христианства о воскресении плоти и слов Кириллова, что человек изменится, когда достигнет понимания, что все хорошо. Но и здесь Кириллов с Ницше пытаются достигнуть преображения плоти без Бога. Подразумевая изменение плоти естественным образом, Ницше с Кирилловым говорят о поэтапном развитии от обезьяны до человека и от человека до сверхчеловека. Сверхчеловечность и есть преображение,согласно Кириллову с Ницше. Вместе с тем Мережковский отмечает, что наряду с естественным преображением плоти Кириллов, в отличие от Ницше, предполагает мистическое, таинственное вмешательство. В качестве примера Мережковским приводится разговор Кириллова со Ставрогиным о времени:

«– В Апокалипсисе, ангел клянется, что времени больше не будет.

– Знаю. Это очень там верно; отчетливо и точно. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо. Очень верная мысль.

[31]Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. С. 430.

– Куда же его спрячут?

– Никуда не спрячут. Время не предмет, а идея. Погаснет в уме»[32].

Кириллов предполагает преображение плоти человека в конце мира, когда времени больше не будет. Из всего этого Мережковский заключает, что Кириллов проповедует христианские идеи, при этом не верует в Бога. Причина, по которой Кириллов не верит в Бога, Мережковский видит в игнорировании «Критики чистого разума» Канта. В этом же игнорировании он обвиняет и Ницше. Человек, по мнению Канта, способен исследовать только те явления, которые развертываются в пространстве и времени. Бог вне времени и пространства, а значит, не поддается чувственному восприятию. Именно в этом игнорировании философии Канта Мережковский видит причину всех последующих ошибок Кириллова с Ницше. При этом Мережковский отвергает мысль о том, что Кириллов по невежеству не считается с Кантом. Напротив, Кириллов прекрасно осведомлен об идее Канта о субъективности времени, он игнорирует философию Канта в одном случае и принимают ее в другом. Отсюда вытекает, по мнению Мережковского, своеволие Кириллова. Ослепленный своим ошибочным утверждением, Кириллов пытается поставить себя на место Бога через проявление своеволия. Однако Мережковский видит в этом своеволии профанацию свободы, которая была проповедана Христом. Своеволие здесь выступает как антипод свободы. Своеволие трусливого раба, боящегося заглянуть правде и Канту в глаза. Кириллов, по Мережковскому, перешел от мудрости к безумию. Неправильный подход в познании Бога привел Кириллова к безумному притязанию стать богом.

Из всего этого следует, что Кириллов и Ницше, по Мережковскому, были близки ко Христу. Один шаг отделял их от Истины. В какой-то степени Кириллов с Ницше представлены Мережковским горячими искателями

[32]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 234.

истины, выражаясь словами Тихона: «– Напротив, полный атеизм почтеннее светского равнодушия, – прибавил он весело и простодушно.

– Ого, вот вы как.

– Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершенной веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха»[33]. Кириллов стоял на предпоследней ступени между верой и безверием, как считает Мережковский. Один не правильный шаг предрешил судьбу этого несчастного героя. Как и Ницше, Кириллов заканчивает безумием. Убивая себя из-за идеи, внушенной ему темными силами. Мережковский считает, что Достоевский хотел показать пример духовного поиска человека. Человека, сначала стоявшего на верном пути, но затем оступившегося и погибшего напрасно.

2.3. Трагедия человекобога (прп. Иустин Попович)

Следующий автор, прп. Иустин Попович, рассматривает Кириллова в системе всех героев Достоевского, которые так или иначе заявляли претензии на своеволие, человекобожество, вседозволенность. Чтобы раскрыть во всей полноте идею автора, мы обозначим всех разобранных им героев. Иустин Попович начинает свои рассуждения с утверждения Ивана Карамазова, что ни Бога, ни черта нет, а есть законы природы, абсурдность и противоречивость которых человеческий ум понять не в силах. Человек должен либо принять мир, либо измениться по отношению к миру, стать человекобогом. Но чтобы стать человекобогом, необходимо уничтожить веру в Бога. «Бог есть Абсолют. Два абсолюта невозможны, они взаимоисключаются. Чтобы стать абсолютным властелином мира сего, человеко-бог должен уничтожить всякий иной Абсолют. Поскольку же Бог – единственный Абсолют, то человеко-бог считает единственной своей обязанностью уничтожить Бога, полностью искоренить и удалить из человеческого сознания идею о Боге»[34]. Иван

[33]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 668.
[34]Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Мн.: Изд-во Д.В. Харченко, 2007. С. 72.

Карамазов видит в уничтожении Бога главную цель будущего человека. Беря от жизни все и побеждая природу наукой и разумом, человек возвеличится до степени человекобожества. Однако, предаваясь столь оптимистичным мечтаниям, Иван не верит, что человечество столь скоро проникнется его идеями. Поэтому Иван решает, что всякий человек, сознающий себя богом, имеет право на вседозволенность. «Мало того: если даже период этот и никогда не наступит, то так как Бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно стать человеко-богом, даже хотя бы одному в целом мире, и, уж конечно, в новом чине, с легким сердцем, перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека, если оно понадобится. Для Бога не существует закона! Где станет Бог – там уже место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... "все дозволено" и шабаш»[35]. Таким образом, Иван доходит в своих рассуждениях до крайних выводов: отвергнув Бога, человек обязан переступать существующие нравственные преграды.

Далее Иустин Попович переходит к рассматриваемому нами герою Кириллову. Кириллов, по мнению Иустина Поповича, является воплощением человекобога. Главной целью Кириллова является сделать идею человекобожества общепринятой для всего человечества. Размышляя над идеей Бога, Кириллов пришел к заключению, что появление Бога стало следствием боли и страха. Необходимо преодолеть боль и страх с тем, чтобы уничтожить Бога. Преодоление страха с болью возможно через проявление своеволия. «Свободный и своевольный человеко-бог невозможен рядом со свободным Богом. Если человек должен возвеличиваться, Бог должен умаляться. Окончательная, абсолютная полнота и совершенство человекобога непременно постулирует окончательное, абсолютное уничтожение Бога и веры в Него»[36] . Кириллов видит в уяснении идеи, что Бога нет, спасение

[35]Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Экспо, 2015. С. 778.
[36]Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Мн.: Изд-во Д.В. Харченко, 2007. С. 77.

человечества. Каждый человек, по мнению Кириллова, способен стать богом. На правах бога Кириллов заявляет, что все хорошо. Если для Ивана Карамазова все позволено, то для Кириллова все хорошо, он не различает добро и зло. На этом основании Иустин Попович переходит к Ставрогину, замечая, что он так же, как и Кириллов, не различает зло от добра.

Ставрогин является олицетворением человекобога, все положительные человеческие качества чужды Ставрогину. Он никого не боится, готов жертвовать своей жизнью и чужой. Он – олицетворение зла. Ставрогин является центральной фигурой романа Бесы, является распространителем зла, он заражает своими идеями Кириллова, в нем одновременно видят предводителя Шатов и Петр Верховенский. Особое внимание уделяет Иустин Попович Петру Верховенскому как носителю идейного «вируса» Николая Ставрогина.

Ставрогин для Петра Верховенского является лицом, способным реализовать план по переустройству мира, разработанный Шигалевым. Суть этого плана заключается в установлении абсолютного равенства через понижение уровня образования и уничтожения традиционных устоев общества – брака, семьи и прочего. Посеяв хаос, Верховенский предполагает выставить Ставрогина как спасителя, способного воздвигнуть строение каменное на руинах прежнего разрушенного уклада общества. Иустин Попович приводит свои рассуждения о том, что всем творцам человекобога свойственны попытки реализовывать свои планы путем подавления чужой личности. Им все позволено, они не взирают на чужую свободу. Преступление в отношении другого человека для них абсолютная норма. Своеволие для творцов человекобога, пишет Иустин Попович, есть естественное состояние. Они преклоняются перед своеволием как перед идолом, приносят себя в жертву этому идолу. Через проявление своеволия человекобоги подавляют в себе все нравственные ценности, что позволяет им без всякого зазрения совести творить ужасные преступления. «Проявить абсолютное своеволие для них – значит проявить себя, последнюю сущность своей личности. Поэтому

каждый из них – «человек как воля», не «мир как воля», ибо это последнее означало бы абсолютное отрицание человека»[37].

Далее Иустин Попович переходит к образу Раскольникова. Идея Раскольникова заключается в том, что люди делятся на два разряда – обыкновенных и необыкновенных: первые служат материалом для зарождения себе подобных, вторые призваны сказать новое слово, открывать новые горизонты. Так как необыкновенные люди разрушают старое во имя лучшего, они вправе совершать преступления. Таким образом Раскольников приходит к мысли о возможности разрешения преступления по совести. Раскольников анализирует себя, размышляет: обыкновенный он человек или необыкновенный? Развивая свою мысль о том, что все относительно для необыкновенного человека, Раскольников приходит к выводу, что убить старуху-процентщицу не преступление, если это сделает его необыкновенным человеком. Убив старуху, Раскольников не стал необыкновенным человеком, напротив, силы оставили его. Полная децентрализация овладела Раскольниковым. Он потерял контроль над собой. Эта потеря самообладания показывает, что преступление как таковое не свойственно человеческой природе. Преступление нельзя оправдать необходимостью. Все герои, так или иначе притязавшие на человекобожество, повторили судьбу Раскольникова: Кириллов застрелился, Иван Карамазов сошел с ума, Ставрогин повесился. «Таким образом, все творцы человеко-бога достигают наивысшего проявления и полноты своего существа в полном распаде личности».[38]

В своей работе Иустин Попович разобрал всех героев Достоевского, претендующих на человекобожество. Им представлена общая картина этого феномена. Складывается впечатление, что Иустин Попович попытался в своей работе слить всех героев в одно лицо, как бы аккумулировать разрозненные по разным романам идеи человекобога в одном образе, с тем чтобы добиться

[37] Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Изд-во Д. В. Харченко, 2007. С. 85.
[38] Там же. С. 92

наиболее полного видения этой проблемы. От теоретика Ивана Карамазова Иустин Попович переходит к практикам – Ставрогину, Кириллову, Раскольникову. Автор поэтапно раскрывает проблематику человекобожества, показывая, что каждый новый образ является частью целого. Идея, воплощенная в Иване Карамазове, прорывается вовне в Кириллове и Раскольникове. Эта идея, как отмечает Иустин Попович, становится частью ее носителя, она становится кровью и плотью этого человека. Проникаясь идеей своего человекобожества, идеей своего могущества, адепты этих идей полагают, что способны сказать новое слово. Однако практическим результатом их теории является духовное разложение. Раскольников, совершив преступление, воплотив свою идею, понимает неспособность не только сказать новое слово, стать новым человеком, но и неспособность жить обыденной, прежней жизнью. «Мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения вдруг сознательно сказались душе его».[39] Все для него чуждо, ни мать, ни сестра не вызывают в нем прежней любви, он с ужасом сознает, что он чужой им, что еще чуть- чуть и он их возненавидит. Раскольников понимает впоследствии, что своим преступлением он не старуху убил, а самого себя. То же самое произошло и с Кирилловым, только он убил себя в буквальном смысле. В отличие от Раскольникова, он не смущается последствиями своей идеи. Он убежден в собственной правоте. И если критики сомневаются в разрешении вопроса, раскаялся ли Раскольников или нет, то с Кирилловым этот вопрос разрешен. Своим самоубийством он не оставляет себе шанса на покаяние.

2.4. Кириллов и Ставрогин (прот. С. Н. Булгаков)

Протоиерей Сергий Булгаков рассматривает образ Кириллова в своей работе «Русская трагедия». В этой работе Кириллов соотнесен, главным образом, со Ставрогиным, который, в свою очередь, является медиумом

[39] Достоевский Ф. М. Преступление и Наказание – М.: Мартин, 2013. С. 94

преисподней, человеком, потерявшим личность и являющимся проводником темной силы, уничтожающей всех, кто к ней прикоснулся. Разговор о Кириллове начинается с того, что Ставрогин явился искусителем для Кириллова. Сергий Булгаков подчеркивает, что Кириллов живет только религиозными интересами и даже обольститель Ставрогин не смог поколебать его веру во Христа. Однако Ставрогину удалось отравить разум Кириллова. Кроме того, он внушил ему идею человеческой божественности и человеческой свободы. По словам Сергия Булгакова, существует две свободы: первая свобода заключается в смирении перед Богом – да будет воля Твоя, а вторая свобода – да будет моя воля. Первая воля – жизнь по воле Божьей, путь Сына Человеческого. Второй путь – богоборческий, хищение божественной прерогативы. В то же время Сергий Булгаков отмечает, что мировоззрение Кирилова не вполне атеистическое, оно скорее антитеистическое, поскольку Кириллов ставит себя на место Бога. Своеволие здесь выступает как свойство нового божества. Своеволие, в представлении Сергия Булгакова, это карикатура на истинную свободу.

Сергий Булгаков проводит различия между Божественной свободой, которая выражается в любви – смирении, и дьявольским своеволием, которое связано с узурпацией человека и мира: «Сатана несовместим со свободным миром, он может хотеть мира лишь как вещь, как игрушку, а человечество как рабов, которыми можно помыкать. Он есть всегда притязание и претензия, воплощение ὑπέρ или Ueber: Ueberwelt, Uebermensch, Uebergott, он весь усилие, зависть, соревнование. Ему всегда нужно уверять себя и доказывать себе эту призрачную и ложную свою божественность».[40] Сатана – это разрушитель и уничтожитель всего сущего, вся его деятельность направлена на упразднение всего живого, он несет смерть. Истинным подтверждением разрушительности Сатаны является самоистребление Кириллова. Сергий Булгаков указывает на это поразительное обстоятельство самоубийства

[40] Булгаков С. Н. Тихие Думы. Этика, культура, софилология. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2008. С. 22.

Кириллова по религиозным причинам как на подтверждение безумия богоборческой идеи. Кириллов истребляет себя своим своеволием.

Сергий Булгаков указывает на тонкую подмену, совершенную сатаной в отношении Кириллова. Искуситель Кириллова в лице Ставрогина открывает ему правду, говоря, что человек силен и свободен. Это правда, поскольку Богу действительно не нужны рабы и марионетки, Ему нужна свободная, дерзновенная отдача. Он желает видеть человека активным выразителем любви в Его отношении. Однако в этой активности необходимо уметь четко отличать свободу и своеволие, дерзновение и дерзость, мощь от вандализма. Кириллов не сумел отлить и провести границу между этими понятиями. По этой причине он становится зависим от своеволия, становится рабом, ослепленным и не различающим границ своей свободы. Он идет на поводу у своеволия: уже не он контролирует своеволие, но своеволие помыкает Кирилловым. И он убивает себя, лишает себя того, что ему не принадлежит, но дано ему во временное пользование.

В «Русской трагедии» С. Булгакова Кириллов представлен как эманация Николая Ставрогина. Николай Ставрогин в свою очередь сам является медиумом: он транслятор темной силы, которая несет уничтожение всех, кто так или иначе с ней соприкасается. В Кириллове это заявлено, как нам кажется, в наибольшей полноте. Кириллов является как бы концентрацией того ужаса, который распространяет собой Ставрогин, того безумия, проводником которого он является. Из всех зараженных Кириллов представляется самым таинственным и страшным героем. Весь Николай Ставрогин выказался в этом образе, по крайней мере, большая его часть. Сергий Булгаков отмечает, с каким цинизмом Ставрогин развращает наивного Кириллова. Автор отмечает лукавую подмену, совершенную Ставрогиным в отношении Кирилова. Самоубийство этого несчастного молодого человека Сергей Булгаков полностью возлагает на совесть Николая Ставрогина.

Выводы

Итак оценки романа «Бесы» в философско – критической мысли зависели от контекста той работы в которой эти оценки приводились. Альбер Камю рассматривал героев романа в контексте проблем бунта и абсурда. Иустин Попович рассматривал Кириллова и Ставрогина как основных выразителей своеволия в творчестве Ф. М. Достоевского. Протоиерей Сергий Булгаков в своей работе «Русская Трагедия» обосновывал идею о том что Николай Ставрогин является некоторым катализатором темной силы, которая транслируется во вне заражая своих адептов разноречивыми идеями.

Глава 3. Авторский идеал. Роман «Бесы» в свете православной антропологии

3. 1. Шатов

Начиная разговор о Шатове, мы сталкиваемся с некоторыми трудностями, поскольку Шатова в исследовательской литературе часто относят к отрицательным героям. Вместе с тем стоит отметить, что многие положения, высказываемые Шатовым в романе, сходны с идейными воззрениями самого Достоевского и содержат в себе вполне здравые элементы.

Как следует из самого романа, Шатов, как и Кириллов, является учеником Николая Ставрогина. По словам самого Шатова, Николай Ставрогин оказал на него значительное влияние и способствовал перемене взглядов и изменению отношения к революционному движению. Небезызвестно, что прототипом Ивана Шатова стал студент Иванов, убитый Сергеем Нечаевым. Однако на этом влияние исторического прототипа Иванова на художественный образ Шатова прекращается. Исследователи пришли к выводу, что идейными прототипами Ивана Шатова стали В. И. Кельсиев и Н. Я. Данилевский.

В. И. Кельсиев (1835–1872) родился в семье чиновника. После окончания коммерческого училища поступил на факультет восточных языков. В 1859 г. уехал в Лондон, где познакомился с Герценом и Огаревым. С ноября 1859 г. проживает в Лондоне в статусе политического эмигранта. Кельсиев проявлял интерес к старообрядчеству и различным сектантским движениям того времени. В результате проведенных исследований в данных областях Кельсиевым были изданы «Сборник правительственных сведений о раскольниках» в четырёх книгах (1860-1862 гг.) и «Сборник постановлений по части раскола» в двух книгах (1863). В данных работах отмечались антиправительственные тенденции в сектантском и старообрядческом

движениях. В 1862 г. Кельсиев предпринимает поездку в Россию с целью привлечения старообрядцев к революционной деятельности. В том же году Кельсиев отправляется в Турцию, путешествует по Австрии, Венгрии, Галиции и Румынии. В ходе столь долгого путешествия Кельсиев потерял жену и детей, умерших от холеры. Удрученный потерей, Кельсиев разочаровывается в нигилизме. Начинает печататься в газетах умеренного направления, склоняется к славянофильству. Письма Кельсиева, относящиеся к этому периоду его жизни, полны отчаяния. В 1867 г. он принимает решение о сдаче Российскому правительству. Последующий период жизни Кельсиева связан с антиреволюционной деятельностью. Получив полное прощение от государя и императора Александра II, Кельсиев принялся за публикацию своих трудов в славянофильских изданиях, «Русском Вестнике» и других консервативных изданиях. Умер Василий Иванович Кельсиев в 1872 г. в возрасте 37 лет.

Схожесть Кильсиева и Шатова не исчерпывается биографическими данными, исследователями подчеркивается некоторое единство характеров художественного героя и его реального прототипа. Так, русский революционер А. И. Герцен дает следующую характеристику Кильсиеву: «С первого взгляда можно было заметить много неустроенного и неустоявшегося, но ничего пошлого. Видно было, что он вышел на волю из всех опек и крепостей, – но еще не приписался ни к какому делу и обществу – цеха не имел. Он был гораздо моложе Энгельсона, но все же принадлежал к позднейшей ширинге петрашевцев и имел часть их достоинств и все недостатки: учился всему на свете и ничему не научился дотла, читал всякую всячину и надо всем ломал довольно бесплодно голову. От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрел никакой нити поведенья…Особенно оригинально было то, что в скептическом ощупывании Кельсиева сохранилась какая-то примесь

мистических фантазий: он был нигилист с религиозными приемами, нигилист в дьяконовском стихаре»[41].

Как видно, Шатов прошел тот же путь, что и Кельсиев. Вступив в революционное движение, Кельсиев пережил подлинное перерождение, обратившись к религиозному осмыслению действительности в духе славянофильства. То же мы видим и в образе Ивана Шатова.

Другим возможным идейным прототипом Ивана Шатова считают Н. Я. Данилевского, в молодости увлекавшегося идеями Фурье, подвергшегося аресту по делу петрашевцев, однако сумевшего доказать непричастность к деятельности революционного кружка. Достоевский глубоко ценил главную работу Данилевского «Россия и Европа», полагая, что данный труд стал результатом отвержения Данилевским прежних заблуждений. Любопытным обстоятельством является то, что некоторые идеи Данилевского нашли свое отражение в теории народа-богоносца у Шатова. Вот признание Шатова: «Евреи жили лишь для того, чтобы дождаться Бога истинного, и оставили миру Бога истинного. Греки боготворили природу и завещали мировою религию, то есть философию и искусство. Рим обоготворил народв государстве и завещал пародам государство»[42]. Ср у Данилевского: «...Искусство, развитие идеи прекрасного было преимущественным плодом цивилизации греческой; право и политическая организация государства – плодом цивилизации римской; развитие религиозной идеи единого истинного бога – плодом цивилизации еврейской»[43].

В подготовительных записях к «Бесам»от 23 июня 1870 г. под названием «Фантастические страницы» описывается диалог Ставрогина и Шатова. В этих «Фантастических страницах» представлены различные соображения Ставрогина о роли России в общемировой истории. «У нас православие; наш народ велик и прекрасен потому, что он верует, и потому, что у него есть

[41] Герцен А. И. сочинения в 4 т. Т. 3 Былое и думы – М.: Правда, 1988 -560 с. С 301 – 302.
[42] Достоевский Ф. М. Бесы. [Текст]Ф. М. Достоевский - СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. 704 с. С. 249.
[43] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб. 1873 г. С. 134

православие. Мы, русские, сильны и сильнее всех потому, что у нас есть необъятная масса народа, православно верующего... Теперь вопрос: кто же может веровать? Верует ли кто-нибудь (из всеславян, даже и славянофилов), и, наконец, даже вопрос: возможно ли веровать? А если нельзя, то чего же кричать о силе православием русского народа. Это, стало быть, только вопрос времени. Там раньше началось разложение, атеизм, у нас позже, но начнется непременно с водворением атеизма»[44]. Вместе с тем Ставрогин понимает, что наука и атеизм не в состоянии дать человеку нравственных ориентиров и что в конце концов научная целесообразность дойдет до необходимости жечь младенцев в печи в случае, если в Европе возникнет дефицит пищи и топлива. В этой связи Ставрогин ставит перед Шатовым и собой вопрос: возможно ли веровать цивилизованному человеку во все догматы православия или же нет? Если возможно, то в России заключается огромная сила, способная преобразить человечество, ибо только Россия во всей Европе сохранила Христа неискаженного, поскольку сохранила веру во все догматы нерушимо. С другой стороны, Ставрогин сознает, что с распространением в России всеобщего образования приведет к водворению атеизма в народе, а значит, вся нравственная сила народа временна. Вот краткая форма того разговора между Шатовым и Ставрогиным, которая нашла отражение в подготовительных материалах к роману. В окончательном же варианте романа перед нами предстает законченный образ Шатова, уверовавшего в особую миссию русского народа – спасти мир от разложения с помощью Православия. Однако стоить заметить, что Шатов признается Ставрогину, что его вера еще не совершенна. Шатова так же, как и Ставрогина, терзают сомнения бытия Божия. Разрешение рокового вопроса для обоих героев – в личности старца Тихона. Таким образом, мы переходим к выражению собственно авторского идеала в романе «Бесы и к прямой реализации в нем принципов православной антропологии.

[44]ДостоевскийФ. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Л.: Наука, 1974. С. 178.

3. 2. Прототипы старца Тихона

Обращаясь к христианской антропологии романа «Бесы», мы предполагаем рассмотреть образ старца Тихона как главного выразителя положительных идей самого автора. Данный образ задумывался автором как один из основных в романе. Однако впоследствии роль Тихона свелась до одного эпизода, а именно – исповеди Ставрогина перед старцем. Волею судеб данный эпизод также был запрещен цензурой к публикации. Между тем сцена, произошедшая между Тихоном и Ставрогиным, заключает в себе весь пафос романа. В нем раскрывается во всей полноте демоническая фигура Николая Ставрогина и возможный исход этого демонизма, заключенный в поучении старца Тихона.

Рассматривая становление положительных антропологических начал в романе, мы предлагаем, как и ранее, обратиться к возможным идейным и историческим прототипам Тихона.

Образ положительного героя в романе «Бесы» формировался в контексте разрешения вопроса о том как мог возникнуть феномен Сергея Геннадьевича Нечаева. По мысли автора «Бесов», виновниками политического нигилизма стали западники первой половиныXIX в. В ходе работы над романом Достоевский приходит к необходимости введения положительного героя в политический памфлет против западников и нигилистов. Изначально этим героем должен был стать К. Е. Голубов, русский старообрядец, впоследствии перешедший в православие. Начиная с 1860 г. К. Е. Голубов, по благословению тогда еще старообрядческого инока Павла Прусского, занялся издательской деятельностью. Наряду с полемикой со старообрядцами, после обращения в православие, Голубов вел переписку с современными ему социалистами – Герценом и Огаревым, последние высылали Голубову литературу социально-философского содержания с целью убедить его в необходимости социальной революции. «Издатель Истины больше всех учеников инока Павла привлек на себя благосклонные взоры лондонских просветителей русского старообрядчества; ему посылались не

только разные лондонские издания «вольной русской типографии», в которых решению современных философских и социальных вопросов уделялось как известно не последнее место, но и собственные рукописания лондонских просветителей вызывавшие талантливого старообрядца к серьезному размышлению в этих вопросах»[45]. Несмотря на то, что Голубову не удалось получить систематического образования, он сумел не поддаться на искушение социально-философских учений. Он грамотно и достойно парировал лондонским социалистам, прибегая к религиозно-нравственному христианскому учению. По мнению Голубова, все разрешение социальных вопросов состоит в самостеснении человека или в самоограничении. «Свобода истинная без умеренности не бывает. «Несамостеснительная свобода есть бесчиние а не свобода… Можно разум свой обогатить высочайшим образованием, особенно посредством тщательных замечаний всех вещей и посредством остроумного их соображения… Но должно, что такое наружное не внешнее (не внутреннее) просвещение не может и не в силах произвесть в нас доблественную нравственность, ибо часто самые развратные по нравственности люди имеют наиблестательные познания… необходимо внешнему знанию быть просвещенну светом внутренне животным, должно пленить разум в послушание веры»[46]. Таким образом Голубов противопоставляет положениям современных ему социалистов духовно-нравственные идеи Православной Церкви. То же наблюдается в его переписке с Николаем Платоновичем Огревым. Здесь он также утверждает, что причиной социального неравенства является злонравие людей, которое возможно устранить только через обращение в православную веру.

Итак, Голубов, по мнению Достоевского, есть тот самый новый русский человек, призванный обновить собой все человечество. Однако в последствии Достоевский отказался от включения Голубова в сюжетную канву романа, не

[45]Русский вестник. М.: 1868 т. 76. С. 104
[46] Там же С 113 – 114

взирая на то, что в некоторых черновых набросках Голубов фигурировал как самостоятельный герой. Отказавшись от Голубова как от выразителя положительных идей в романе, Достоевский обращается к Ставрогину, как к человеку способному сыграть роль положительного героя. Под влиянием идей Голубова и Нечаева Ставрогин, по замыслу автора, находится в постоянных идейных метаниях, в конечном же счете обретает веру и новую жизнь. Однако и этот вариант вскоре перестает удовлетворять автора, и он отказывается от положительного образа Ставрогина, отдав предпочтение трагизму в судьбе главного героя. Начиная с записей от 29 марта 1870 года, Ставрогин предстает в качестве противоречивого героя. Голубов более не является наставником Ставрогина, Ставрогин сам становится учителем Шатова и Кириллова, продолжая мучатся противоречивыми вопросами, метаться между верой и неверием и желанием начать новую жизнь.

Однако, как показывают подготовительные материалы к роману «Бесы», Достоевский не оставлял намерения ввести положительного героя в сюжетную канву романа. Отвергнув Голубова, Достоевский обращается к образу старца Тихона как духовного руководителя Николая Ставрогина. Любопытным представляется формирование данного образа. По мнению исследователей, художественный образ Тихона складывался у Достоевского под влиянием жития святителя Тихона Задонского, к которому Достоевский относился с особенным почтением. Исследователями отмечается сходство биографических фактов Тихона Задонского и художественного героя в романе «Бесы». Вместе с тем, по мнению Н. Арсентьевой, между Тихоном Задонским и Тихоном Достоевского существуют некоторые различия. Главным, интересующим нас отличием художественного героя от реального прототипа, являются их литературные предпочтения. В библиотеке художественного героя Достоевского среди сочинений великих святителей и подвижников Церкви находились сочинения театрального характера, а может быть, и того хуже. В то время как Тихон Задонский, согласно его жизнеописанию, ограничивался трудами святых отцов. Наличие в библиотеке Тихона книг

светского содержания наводит Арсентьеву на мысль о том, что Достоевский в образе Тихона попытался представить образец нового наставника, заключающего в себе высокие духовные качества и незаурядную общекультурную эрудицию. «В Тихоне проявляются необычные черты, которые характеризуют его как новый социально-психологический тип православного наставника, движимого идеей религиозно-философского синтеза. В создании этого образа Достоевский, по-видимому, исходил из новых задач, стоящих перед деятелями религиозного просвещения в условиях распада единого религиозного взгляда на мир и распространения духа философского нигилизма, претендующего на то, чтобы опровергнуть само основание религиозного чувства – бытие божие – и тем самым подорвать веру в высшее начало бытия»[47].Мы согласны, что лице старца Тихона Достоевским был описан тип проповедника, одинаково разбирающегося как богословских тонкостях, так и в социально-философских вопросах своего времени. Таким образом, положительный художественный образ в романе «Бесы» развивается в контексте наставничества. Достоевский понимает, что проблема нигилизма в современном ему обществе стала возможна благодаря деятельности таких людей, как Степан Трофимович Верховенский, то есть либералов 40-х годов. Остро понимая необходимость противопоставления нигилизму и западничеству положительных идей, Достоевский обращается к монашеству как к образцу для подражания заплутавшей молодежи. Таким образом, наставничество становится одной из главных темой романа «Бесы». Действительно, тема наставничества проходит красной нитью через весь роман Достоевского. Степан Трофимович Верховенский является учителем Николая Ставрогина и Ивана Шатова. Сам Ставрогин выступает в роли учителя того же Шатова и Кириллова. При этом Достоевским акцентируется, что наставники в лице Степана Трофимовича Верховенского представляют

[47]Арсентьева Н . Н . «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы». //Достоевский Материалы и исследования. т. 21 СПб 2016 С. 69

собой пример отрицательного влияния на своих учеников. Тихон же явно противопоставляется им.

3.3.Положительный полюс православной антропологии в романе «Бесы»

Рассматривая систему художественных героев романа «Бесы», мы предполагаем обратится к статье русского религиозного мыслителя прот. Вас. Зеньковского «Принципы православной антропологии». При этом следует отметить, что в православной антропологии нас прежде всего интересует проблема свободы выбора человека между добром и злом. Только человек наделен способностью выбирать, быть ли ему с Богом или нет. В этом отношении человек пользуется совершенной свободой. По мысли прот. В. Зеньковского, человек содержит в себе два противоположных начала – добра и зла. «Наличность двух центров в человеке не делает, однако, их онтологически равными уже по одному тому, что должно (согласно указанию Спасителя о том, что сердце наше там, где наше сокровище, и что, значит, избрание пути добра или пути зла нашим сокровищем совершается глубже сердца) признать такую глубину в человеческом духе, где нет ещё никакой раздвоенности. Эта глубина и есть субъект свободы, – и уже над этой глубиной возвышается духовная сфера, где идёт в нас борьба добра и зла»[48]. Свобода, понимаемая В. Зеньковским как глубинное свойство человека, ограничена первородным грехом. Таким образом, идея свободы в христианской антропологии неразрывно связывается с идеей первородного греха.

Развивая идею наличия в человеке греховного начала, В. Зеньковский обращает внимание на проблему подмены доброго начала злым в духовной борьбе человека: «Ключ к пониманию зла в человеке, его динамики заключается как раз в том, что энергия злых движении питается за счёт энергий добрых и светлых движений (источник которых образ Божий), и эти

[48] Русская религиозная антропология т. 2: Антология сост: Гаврюшин. – М.: Московский философский фонд. Московская духовная академия, 1997 – С. 456

злые движения «извращают», т.е. в другую сторону направляют, светлую энергию. Эта наличность двух динамических центров в человеке объясняет нам факт внутренней борьбы в человеке, постоянной потребности обманывать самого себя, представлять себе свои дурные движения в смысле будто бы добрых или логичных, имеющих свой смысл»[49]. Данная мысль, на наш взгляд, дает разрешение проблемы Шигалева. Действительно, благое намерение Шигалева даровать человечеству абсолютную свободу завершается безграничным деспотизмом. Желание добра искажается первородным грехом и приводит к катастрофическим последствиям. Происходит подмена доброго начинания злым. В этом В. Зеньковский видит действие греховного начала в человека, искажающего благие начинания людей. С той же проблемой, что и Шигалев, столкнулся и Кириллов.

Действительно, Кириллов в своих религиозно-философских исканиях далек от теплохладного и безразличного человека. В одном из разговоров с хроникером он признается, что его Бог всю жизнь мучил. Вопрос бытия Божия становится для Кириллова краеугольным. Вместе с тем, как мы видели выше, Кириллов в своих богословских исканиях опирался исключительно на свои рациональные возможности. Попытка осмыслить необъятного Бога привело Кириллова к безумию. Отвергнув бытие Божие, Кириллов возомнил себя богом и, заявив своеволие, покончил с собой. В этой связи небезынтересны рассуждения Василия Зеньковского о том, что единственно возможное богопознание вполне реализуется только в Церкви: «Само это понятие «образ Божий» означает, что в ней отпечатлелся образ Абсолютной Личности – ибез связи с Абсолютом (через Церковь и только через нее – ибо вне Церкви личность не может вступить в непосредственное отношение к Богу), т. е. теряя «образ» Абсолюта, она становится ничто»[50]. Действительно, только Церковь обладает, если можно так выразиться, совершенной методикой богопознания.

[49] Там же с. 457 - 458

[50] Русская религиозная антропология т. 2: Антология сост: Гаврюшин. – М.: Московский философский фонд. Московская духовная академия, 1997 – 448 – 449 с.

Аскетическая традиция Православной Церкви разрабатывалась не одним поколением монахов-подвижников. Центром же аскетической жизни является умно-сердечная молитва, богословское осмысление которой было предложено Григорием Паламой в его работе «Триады в защиту священно-безмолвствующих». Таким образом, главной ошибкой Кириллова стала ориентация на опутанный греховной паутиной человеческий рассудок, что и привело героя к известному трагическому концу. Отвержение Церковной традиции в пользу немощного и греховного человеческого разума стало главной и роковой ошибкой Кириллова.

Та же проблема первородного греха может быть поставлена в рассмотрении образа Николая Ставрогина. В этой связи В. Зеньковским вводится понятие «креста» как индивидуального пути каждого человека к спасению. Развивая данное положение, В. Зеньковский говорит о том, что человеку свойственна иерархичная система развития. По этой причине человек в своем развитии должен иметь ввиду главное, отличая это главное от второстепенного. Под этим главным В. Зеньковский понимает дар, который вложен Богом в каждого отдельного человека. Реализация вложенного Богом в человека потенциала есть главная цель каждого христианина. Однако эта реализация сопряжена с необходимыми трудностями, сопутствующими данному начинанию. Человеку необходимо вверится промыслу Божьему на пути реализации себя и таланта, вложенного в человека Богом. Здесь мы подходим к проблеме Николая Ставрогина. Действительно, Николай Ставрогин, как и каждый человек, призван ко спасению. Как и у каждого человека, у него свой путь в реализации своего спасения. Другое дело, что он отказывается вверяться в руки Божии. В некоторой степени разговор с Тихоном есть решающее событие в жизни Николая Ставрогина. Тихон призывает к несению креста, к доверию промыслу Божию. Многие исследователи замечали, что фамилия Ставрогин есть производное от древнегреческого слова «ставрос», что означает «крест». Таким образом, можно предположить, что фамилия Ставрогин есть определение всей жизни

данного художественного героя. Крест как предназначение, как тот талант, который заложен в каждого отдельного человека. Ставрогин призван к кресту, к освобождению своей свободы от бремени греха. Это призвание было отмечено Тихоном. Вся предшествующая жизнь Ставрогина есть приготовление к несению креста. Здесь возможно привести рассуждение В. Зеньковского относительно того, как человек в течении жизни (в особенности,в первый ее период) приобретает те или иные привычки, которые становятся крестом для человека. «По существу же, мы сами очень ответственны за то, каков наш эмпирический характер, наши привычки, состояние нервной системы, – но запоздалое сознание, что мы могли бы в детстве поступать иначе и иметь другие привычки, не облегчает, а лишь усложняет положение. Так часто люди становятся рабами своего «вчерашнего дня», своего «характера» – и в сознании своего бессилия, своих болезней как бы осознают свой «крест». Но, не отвергая всей эмпирической «массивности» того, что мы находим в себе в эпоху своего пробуждения к духовной жизни, надо сказать, что здесь есть много мнимого, т.е. мнимых трудностей «характера», от которых человек мог бы, если бы очень захотел, освободиться»[51]. Ставрогин есть пример того, как вся предшествующая жизнь становится тяжелым крестом. Необходимо вступить на этот трудный путь освобождения, вверится в руки Божии и пойти по тем путям, какими бы страшными они не представлялись. Однако Николай Ставрогин отказался от подвига, предложенного ему Тихоном.

Однако в романе есть еще один герой, который, на наш взгляд, предпринял попытку подъять тот подвиг, о котором говорил Тихон Николаю Ставрогину. Этим человеком является Шатов.

Обращаясь к идейным положениям художественного героя Шатова, мы, сталкиваемся с некоторыми проблемами. Дело в том, что Шатова как отмечалось выше, по нашему мнению, сложно отнести к абсолютно

[51]Русская религиозная антропология т. 2: Антология сост: Гаврюшин. – М.: Московский философский фонд. Московская духовная академия, 1997 – С. 462 - 462

негативным героям. Как следует из романа и подготовительных материалов, Шатов кардинально изменил свои взгляды в отношении западничества и социалистических идеологий. В противовес прежним взглядам Шатов обращается к православной традиции с целью возродить Россию и все человечество. Вместе с тем Шатов с ужасом сознает, что он не верит в Бога. На вопрос Ставрогина он отвечает, что будет веровать.

«– Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в исступлении Шатов.

– А в бога? В бога?

– Я... я буду веровать в бога.

Ни один мускул не двинулся в лице Ставрогина. Шатов пламенно, с вызовом смотрел на него, точно сжечь хотел его своим взглядом.

– Я ведь не сказал же вам, что я не верую вовсе! – вскричал он наконец, – я только лишь знать даю, что я несчастная, скучная книга и более ничего покамест, покамест...»[52].

Шатов далек от совершенной веры, но он не теряет надежд на свое духовное восстановление. Следует и то отметить, что Шатов транслирует самые положительные идеи Николая Ставрогина. Сам не ведая того, по сути играя с Шатовым, Ставрогин посеял в нем положительное семя, которое вполне могло возрасти в плодовое дерево. Как мы отмечали выше, одним из прототипов Шатова является Данилевский, творческую деятельность которого высоко ценил Достоевский. В этой связи мы берем на себя смелость предположить, что Шатова следует отнести к положительным героям романа «Бесы». Этот человек взял на себя крест Николая Ставрогина, вступил в борьбу со своим неверием. Не случайно, что именно Шатов предложил Ставргину обратиться за помощью к Тихону.

[52] Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 250

«Хорошо, хорошо, вы про Марью Тимофеевну, – замахал рукой Шатов, держа в другой свечу, – хорошо, потом само собой... Слушайте, сходите к Тихону.

– К кому?

– К Тихону. Тихон, бывший архиерей, по болезни живет на покое, здесь в городе, в черте города, в нашем Ефимьевском Богородском монастыре.

– Это что же такое?

– Ничего. К нему ездят и ходят. Сходите; чего вам? Ну чего вам?

– В первый раз слышу и... никогда еще не видывал этого сорта людей. Благодарю вас, схожу»[53].

Из данного отрывка следует что Шатов был знаком с идеями Тихона и, возможно,вполне следовал духовным рекомендациям старца.

3. 4. «Бесы» Достоевского и современность

Эсхатологичность творчества Достоевского неоднократно подчеркивалась в исследовательской литературе. Роман «Бесы» в этой связи претендует на особое место во всем творчестве великого гения. Действительно, фраза «все сбылось по Достоевскому»стала своего рода трендом среди интеллигенции начала XX века. Пророческий компонент данного романа признавался даже теми людьми, кто откровенно не любил Достоевского. Революционные события, развернувшиеся в России, чрезвычайно точно описаны в «Бесах». В этом действительно есть что-то мистическое. В этой связи встает вопрос: а насколько актуальным продолжает быть Достоевский сегодня? Ведь сегодняшние события, происходящие в нашем мире ничуть не менее ужасающие, чем революция в России в XX веке. В постановке данного вопроса мы совершенного солидарны с выдающимся религиозным мыслителем современности С. С. Хоружим. Приведем его

[53]Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 253 – 254

высказывание: «Ныне мы вновь на пороге большого юбилея Достоевского, уже двухсотлетнего, и мы видим, что разговор об эсхатологии Достоевского должен продолжиться, он вновь неизбежен и необходим. В аспекте эсхатологии есть общность с эпохой, что была век назад. Снова нечто «сбывается», время ощущает себя эсхатологическим временем, эсхатологическое сознание активно разбужено, и многие усиленно говорят о «Ренессансе эсхатологии».[54]В своем докладе С. С. Хоружий приводит философов, декларировавших эсхатологическую направленность современного общества. Опираясь на творчество Ф. М. Достоевского, С. С. Хоружий пытается осмыслить опасения современных мыслителей относительно положения окружающей нас действительности. Подчеркивая связь между современностью, революцией и последующей эпохой советского тоталитаризма, Хоружий раскрывает связь предыдущих эпох с современностью. Действительно, методологический опыт советского периода, заключающий в себе ломку морально-нравственных и социальных устоев общества, привел к тому, что народ к этой власти стал относиться с презрением. Смена социально-политического строя не дала ожидаемых положительных результатов. Людей охватил всеобщий цинизм, распространилось поразительное пренебрежение к человеческой жизни. Любопытным является то, что данные тенденции были спрогнозированы еще в пятидесятых годах русским религиозным философом Иваном Ильиным. «За эти долгие, мучительные годы советская власть делала все, чтобы отучить русских людей от свободной лояльности, чтобы смешать ее в душах с пресмыканием, с грубой лестью и подлым доносительством. В советской России право стало равнозначным произволу и насилию; в душах угашалось всякое уважение к закону; правонарушение стало основной и необходимой формой жизни. Еще в 1919 году из Совнаркома была сформулирована директива: «сущность революции состоит в открытом попирании всякого

[54] Хоружий С. С. Эсхатология Достоевского в призме современного ренессанса эсхатологии М.: 2018 с. 1

права, включая и собственные декреты революции». И вот по этой директиве — чиновник становился разбойником и взяточником, а социальный отброс возводился в чиновники. Загнанный же русский обыватель, —в порядке жизненной самообороны от революционного разбоя, превратил «блат» в естественный и неизбежный способ борьбы за существование».[55] Действительно, содержание людей в рамках тотального контроля и всеобщего доносительства привело к тому, что человек перестал уважать закон и всяческое правонарушение превратилось в норму. С падением железного занавеса и началом перестройки население нашей страны ринулось с головой в омут разврата, мошенничества и бандитизма. С началом нового тысячелетия Россия более или менее оправилась от будораживших ее страстей, наступило некоторое затишье. Однако, по мысли С. Хоружего, данное затишье является мнимым, современное общество находится в состоянии этического безразличия. «Общество же послушно усваивает любую диктуемую ему этическую позицию и столь же послушно ее меняет, хотя бы уже на другой день. И это значит, что собственной позиции, собственной нравственной реакции у него абсолютно нет. Это и составляет суть новой этической формации. В итоге всей долгой серии резких ломок этического сознания – это сознание утратило нравственную чувствительность. Наступила атрофия нравственного инстинкта, и адекватным названием для этого состояния этической атрофии может служить а-этика. Эта формация – финал всего уже векового, с 1917 г., процесса жестоких экспериментов над русским общественным сознанием».[56] Этическая бесхребетность стала новым трендом современного общества. И вновь мы слышим зловещие слова Петра Верховенского: «Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо! А тут еще

[55] Ильин И. Национальная Россия : наши задачи - М.: Эксмо : Алгоритм, 2011. - 464 с.
С. 302
[56] Хоружий С. С. Эсхатология Достоевского в призме современного ренессанса эсхатологии М.: 2018 С. 26

«свеженькой кровушки», чтоб попривык».[57] Действительно, вслед за развратом следует состояние мразорливости. «Вот с такими все можно», – говорит Петр Верховенский. И действительно, с нами все можно сделать. Человек без стройного мировоззрения превращается в полено, из которого можно выстрогать что угодно или же сжечь в печи. Поразительный факт заключается в том, что Достоевским все это было предсказано заранее в шигалевщине. Мы писали об этом выше. Народ с раскаченными нравственными устоями возможно сдерживать только деспотизмом, потому-то и мучается Шигалев, что, исходя из безграничной свободы, заключает безграничным деспотизмом. А от деспотизма вновь к разврату как к безграничной свободе и вновь на круги своя. Сегодняшние современные общественные деятели полагают законы в состоянии обеспечить общественный правопорядок, искоренить коррупцию и так далее. Но они вновь упускают из виду, что без добровольного соблюдения законов принуждение выльется в тоталитаризм. И здесь мы вновь обращаемся к проблеме воспитания. Как мы пытались показать выше, Достоевский полагал необходимость формирования новой элиты, воспитанной на православных духовных ценностях. Данная элита должна была выступить духовно-нравственным ориентиром в обществе. Ввиду сложившейся ситуации в современном обществе эта необходимость продолжает быть актуальной и по сей день. Наша страна нуждается в образованных людях, воспитанных в православной традиции, которые смогли оздоровить собой современное общество. Указать духовно нравственные ориентиры, заключенные в православном вероучении. Эта идея лишь намечается в романе «Бесы», поскольку главный его герой, Николай Ставрогин, отказался брать на себя роль духовного просветителя, покончив с собой. Идея эта получила более полное развитие в романе «Братья Карамазовы», где с обоснованной старцем Зосимой миссией в мир отправляется Алеша Карамазов.

[57] Достоевский Ф. М. Бесы. СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. С. 411

Итак, актуальность Достоевского сегодня представляется нам бесспорной. Общество как никогда нуждается в обновлении своих духовно-нравственных ориентиров. Православие является единственным подспорьем для данной миссии. Православный миссионер должен отличаться безупречным образом жизни, сопряженной с молитвенным деланием и непрестанной работой над собой. Современные тенденции в общественной мысли требуют от православного миссионера обширной и разносторонней эрудиции, способности вести полемику на любом уровне, с любым оппонентом. Необходимость наличия данных качеств прослеживается во всем творчестве писателя. Достоевский и сам стремился соответствовать предложенным в его романах критериям. Так, в одном из своих писем брату Достоевский просит его прислать, помимо сочинений отцов Церкви, также книги по экономике, философии и даже Коран. «Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, «Отечественные записки», отцов церкви и историю церкви… Пришли мне Коран, «Critique de raison pure» Канта и если как-нибудь в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву «Историю философии». С этим вся моя будущность соединена!».[58]Стремление Достоевского к самообразованию говорит нам о том, как последовательно он готовился к борьбе со своими противниками – нигилистами.

Выводы

Итак, положительный полюс православной антропологии романа «Бесы» оформлялся весьма непросто. Изначально Достоевский предполагал ввести в качестве положительного героя бывшего старообрядца, перешедшего в православие, – Голубова. Однако Достоевский вскоре оказался от этой

[58]Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 28, кн. I. Л.: Наука, 1985. С. 173

затеи,наделив как положительными, так и отрицательными антропологическими чертами образ Николая Ставрогина. При этом выразителем положительных взглядов Николая Ставрогина стал Иван Шатов. Наделив Шатова положительной ролью, Достоевский вводит более сильную положительную фигуру – старца Тихона. Тихон выполняет роль положительного наставника в противовес отрицательному воспитателю героя – Степана Трофимовича Верховенского.

Рассмотрев систему художественных героев романа «Бесы» в свете статьи прт. Василия Зеньковского «Принципы православной антропологии», мы пришли к следующим выводам:

Социальная система, предложенная Шигалевым, парадоксальным образом из безграничной свободы приходит к безграничному деспотизму. Противоречие изначальной посылки с конечным результатом связано с тем, что человеческая природа, согласно Священному Писанию и преданию Церкви, осквернена грехопадением. Поврежденность человека искажает благие начинания, переворачивая все с ног на голову. Кириллов так же, как и Шигалев, руководствуется благим намерением богопознания. Однако, руководствуется в данном начинании он исключительно человеческим рассудком. Это приводит его к катастрофическим результатам. Николай Ставрогин так же, как и Шигалев с Кирилловым, помрачен греховной скверной. Вся его природа расщеплена различными идеями. Он не в состоянии достигнуть сосредоточения. Однако, в отличие от Шигалева с Кирилловым, у Ставрогина был шанс достичь духовного равновесия. Встреча главного героя с Тихоном, по сути своей, есть кульминация всей жизни Николая Ставрогина. Однако Ставрогин отверг предложенный Тихоном подвиг, бесславно покончив с собой.

Заключение

Рассмотрев комплекс антропологических проблем романа «Бесы», мы пришли к следующим выводам.

В **первой главе** нами рассмотрены негативные герои – образы Ставрогина, Кириллова, Шигалева и Верховенского-младшего. Показывается, что отрицательные персонажи парадоксальным образом приходят к самым человеконенавистническим взглядам, исходя, казалось бы, из положительных идей. Шигалев претендует осчастливить человечество безграничной свободой, однако заканчивает безграничным деспотизмом. Кириллов также претендует на достижения абсолютной свободы, только не в социально-политическом, а в экзистенциальном смысле. Однако результатом этого поиска абсолютной свободы становится самоубийство Кириллова – как опровержение истинности его позиции.

Во **второй главе** нами была проанализированы оценки художественных героев романа «Бесы» в философско-критической мысли XXвека. Данные оценки были продиктованы, во-первых, ролью каждого отдельного героя в романе, а, во-вторых, контекстом философского исследования, в котором тот или иной герой рассматривался в качестве примера. Так, Альбер Камю рассматривал Шигалевщину в контексте исследования о бунте (эссе «Бунтующий человек»), а Кириллова – в контексте работы «Миф о Сизифе».

Следовательно, оба героя Достоевского в каждом из названных эссе получили соответствующую оценку: шигалевщина – в контексте философии бунта, а Кириллов – в контексте философии абсурда. Мережковский также дает оценку Кириллову в сопоставлении с философией Ницше. Иустин Попович рассматривает Кириллова в системной взаимосвязи с другими героями Достоевского, претендовавшими на человекобожество. Протоиерей Сергий Булгаков в своей работе «Русская трагедия» раскрывает духовную связь между Ставрогиным и Кирилловым. Основная идея его работы состоит в том, что Николай Ставрогин в романе «Бесы» выступает в роли генератора

множества идей, а Кириллов является адептом лишь одной из идейных конструкций Николая Ставрогина.

В **третьей главе** мы предприняли попытку проследить формирование положительных антропологических начал в романе «Бесы». В ходе данного исследования нами были обнаружены некоторые положительные стороны в художественном герое Иване Шатове. На наш взгляд, Иван Шатов в некотором смысле является переходным звеном между негативным и положительным фазисом в развитии христианской антропологии. Вполне сформировавшимся положительным героем в романе предстает старец Тихон. Данный персонаж заключает в себе одновременно как высокие духовные качества, так и обширную эрудицию. В Тихоне представлен образец интеллектуальной и духовной элиты, способной противостоять негативному влиянию западников и нигилистов.

Следующим этапом раскрытия положительной антропологии в нашей работе стала попытка осмыслить весь комплекс художественных героев с использованием методологии, предложенной в работе протоиерея Василия Зеньковского «Принципы православной антропологии». Результатом этого осмысления стал вывод о том, что прослеженные нами в системе персонажей романа Достоевского «Бесы» парадоксы и аномалии духовной жизни становятся возможными только в случае отрицания человеком бытия Божия и, как следствие этого, ориентации на испорченную человеческую природу в разрешении как внутренних проблем человеческого духа, так и внешних условий социально-политической действительности. Достоевский как автор романа видит решение данных проблем в возврате человека к Богу и в полной доверенности к Его промыслу. Однако данное возвращение к Богу сопряжено с определенными трудностями, которые человек должен преодолеть на этом весьма непростом пути.

В заключение нашего исследования мы попытались раскрыть актуальность романа «Бесы» в современной действительности. Следствием этой попытки явилось понимание несомненной актуальности данного романа

и всего творчества Достоевского. Опираясь на мнение таких авторитетных мыслителей, как С. С. Хоружий и Иван Ильин, мы пришли к выводу, что причины современных духовно-нравственных и социальных проблем лежат в преступлениях, совершенных революционерами в двадцатом веке, учителями которых были западники и нигилисты века девятнадцатого. Следовательно, преодоление современных проблем возможно только в случае искоренения нигилистической гидры из сознания и духовной природы людей – путем их приобщения к православной традиции.

Библиографический список

1. Андо А. к истории создания образа Петра Верховенского («Бесы») // Достоевский. Материалы и исследования.[Текст] Л.: 1987 – 290 с. – Текст: непосредственный.

2. Арсентьева Н . Н . «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы». //Достоевский Материалы и исследования. т. 21 [Текст] СПб 2016. – 529 с. – Текст: непосредственный.

3. Булгаков С. Н. Тихие Думы. Этика, культура, софилология. [Текст] С. Н. Булгаков – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2008. – 624 с. – Текст: непосредственный.

4. Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. [Текст]И. И.Виноградов– М.: Русский путь, 2005. – 672 с. – Текст: непосредственный.

5. Герцен А. И. сочинения в 4 т. Т. 3 Былое и думы[Текст] А. И. Герцен – М.: Правда, 1988 -560 с. – Текст: непосредственный.

6. Государственные преступления в России XIX в. Сборник извлеченный из официальных изданий правительственных сообщений.[Текст]- СПб.: Русская историческая библиотека 1904. – 346 с. – Текст: непосредственный.

7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа.[Текст] Н. Я. Данилевский - СПб. 1873 г. 629 с. – Текст: непосредственный.

8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т; Т. 29, кн.I. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); гл. ред. В. Г. Базанов. [Текст] – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, - 1986. – 567. – Текст: непосредственный.

9. ДостоевскийФ. М. Полное собрание сочинений в 30 т; Т. 11/ Акад. наук СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); гл. ред. В. Г. Базанов.[Текст] – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние,. - 1974 – 416 с. – Текст: непосредственный.

10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 28, кн. I. Л.: Наука, 1985. – 552 с. – Текст: непосредственный.

11. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. В 2 кн. Кн. 1: Дневник писателя.[Текст]Ф. М. Достоевский. - М.: Астрель АСТ, 2003 – 2008. - Т. 9 - 2007. – 844 с. – Текст: непосредственный.

12. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. [Текст] Ф. М. Достоевский – М.: Экспо, 2015. – 928 с. – Текст: непосредственный.

13. Достоевский Ф. М. Собрание повестей и рассказов в одном томе [Текст]Ф. М. Достоевский – М.: Изд. «Э», 2015 С. 1424 с. – Текст: непосредственный.

14. Достоевский Ф. М. Бесы. [Текст]Ф. М. Достоевский - СПб.: Азбука – Аттикус, 2014. 704 с. – Текст: непосредственный.

15. Достоевский Ф. М. Преступление и Наказание[Текст] Ф. М. Достоевский – М.: Мартин, 2013. 496 С. – Текст: непосредственный.

16. Зырянов О. В. Художественная антропология Н. В. Гоголя: между традиционализмом и авангардом // Н. В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен: коллект. монография / под ред. З. Пехала и О. Зырянова. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouc, 2015. – С. 15–28. – Текст: непосредственный.

17. Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. [Текст] Иустин (Попович), прп. - Мн.: Изд-во Д. В. Харченко, 2007. – 312 с. – Текст: непосредственный.

18. Иванов В. Собрание сочинений. [Текст]В. Иванов– Брюссель 1987, т. 4 С. 797 – Текст: непосредственный.

19. Ильин И. Национальная Россия : наши задачи[Текст] И. Ильин - М.: Эксмо : Алгоритм, 2011. - 464 с. – Текст: непосредственный.

20. Кабе Э.Путешествие в Икарию Философский и социальный роман в 2 т. [Текст] Э.Кабе –Л.: Издательство академии Наук, 1948 Т 1. С. 320 – Текст: непосредственный.

21. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. [Текст]А. Камю– М.: Политиздат, 1990. – 415 с. – Текст: непосредственный.

22. Камю А. Миф о Сизифе. Калигула:[Текст] А. Камю - М.: АСТ, 2017. 381 С. – Текст: непосредственный.

23. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения в 50 т.[Текст] К. Маркс Ф. Энгельс - М.: Государственное Издательство Политической Литературы т. 18 1961. 980 с. – Текст: непосредственный.

24. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. [Текст]Д. С. Мережковский– М.: Наука, 2000. - 585 с. – Текст: непосредственный.

25. Петрашевцы. Сборник материалов / под ред. П. Е. Щеголева: В 3 т. [Текст] - М.: Красный Пролетарий, 1926. - Т. 2. – 261 с. – Текст: непосредственный.

26. Петрашевцы об атеизме религии и церкви.[Текст] – М.: Мысль, 1986.269 С. – Текст: непосредственный.

27. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития.[Текст]В. В. Розанов - М., 1990. С. 141 – Текст: непосредственный.

28. Зеньковский В. прот. Русская религиозная антропология т. 2: Антология сост: Гаврюшин. Н. К. [Текст] Н. К. Гаврюшин – М.: Московский философский фонд. Московская духовная академия, 1997 – 480 с. – Текст: непосредственный.

29. Ткачев П. Н. Избранное [Текст] П. Н. Ткачев– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 – 816 с. – Текст: непосредственный.

30. Туниманов В. А. «Обломовщина» и «шигалевщина» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 18.[Текст] В. А. Туниманов - СПб.: «Серебряный век», 2003. 278 С. – Текст: непосредственный.

31. Хоружий С. С. Эсхатология Достоевского в призме современного ренессанса эсхатологии С. С. Хоружий - М.: 2018 – 30 с. – Текст: непосредственный.

Миссионерский институт

Ворганов Антон Олегович

Выпускная квалификационная работа бакалавра

Проблемы христианской антропологии в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

Направление подготовки 48.03.01 Теология
Профиль ОПОП «Систематическая теология Православия»

Руководитель: О.В.Зырянов
д-р филол. наук, проф.

Екатеринбург, 2020 г.

МИССИОНЕРСКИЙ ИНСТИТУТ

Объект исследования **-** роман Ф. М. Достоевского «Бесы».

Предмет исследования **–** персонажная система романа (включая всех основных героев-идеологов) в контексте философско-метафизической и духовно-религиозной концепции Достоевского, телеологии его художественного замысла.

МИССИОНЕРСКИЙ ИНСТИТУТ

Цель работы:

Цель исследования: на примере анализа героев-идеологов романа «Бесы» выявить основные положения художественной антропологии писателя, логику его художественного замысла, ее связь с православным учением о человеке.

МИССИОНЕРСКИЙ ИНСТИТУТ

Задачи:

- 1) проследить генезис романных персонажей Достоевского с учетом авторского замысла, привлечения черновых материалов к роману;
- 2) дать оценку указанных персонажей в трудах европейских и отечественных философов и литературоведов;
- 3) основное внимание уделить интерпретации романных героев в трудах таких религиозных мыслителей, как прот. Сергий Булгаков и преп. Иустин Попович;
- 4) обосновать принципы христианской антропологии писателя с учетом особой роли образа старца Тихона (глава «У Тихона»).

Методология исследования:

- Методологическая основа исследования – основные положения статьи прот. Вас. Зеньковского «Принципы православной антропологии», а также идеи религиозной филологии в работах Д. Мережковского, прот. С. Булгакова, прп. Иустина Поповича, С. Хоружего и др.

Основные *источники:*

- Камю А. Миф о Сизифе. Калигула. - М.: АСТ, 2017. – 381 с. ,
- Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. – М.: Наука, 2000. – 585 с.
- Иустин (Попович), прп. преподобный. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Изд-во Д. В. Харченко, 2007. – 312с.
- Василий Зеньковский, прот. Принципы православной антропологии // Зеньковский В. прот. Русская религиозная антропология т. 2: Антология сост: Гаврюшин. Н. К. [Текст] Н. К. Гаврюшин – М.: Московский философский фонд. Московская духовная академия, 1997 – 480 с.

Структура ВКР:

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

В первой главе дана характеристика негативных героев с привлечением черновых материалов к роману.

Во второй главе представлены оценки главных героев-идеологов в философско-критической мысли XX века.

В третье главе рассмотрен авторский идеал в свете православной антропологии.

В заключении подводится итоги исследования.

Первая глава:

- В первой главе нами рассмотрен негативный полюс художественной антропологии романа – образы Кириллова Шатова Шигалева и Верховенского-младшего Николая Ставрогина. Показывается, что отрицательные персонажи парадоксальным образом приходят к самым человеконенавистническим взглядам, исходя, казалось бы, из положительных идей.

Вторая глава

- Во второй главе представлены оценки главных героев-идеологов в философско-критической мысли XX века.
- Оценки данных персонажей в философско-критической мысли XX в. (А. Камю, Д. С. Мережковский, прот. С. Булгаков, преп. Иустин Попович) были продиктованы, во-первых, ролью каждого из них в идейной структуре романе, а, во-вторых, контекстом того философского направления, в котором тот или иной герой рассматривался в качестве отдельного примера.

Третья глава

- В третье главе рассмотрен авторский идеал в свете православной антропологии.

Переходным звеном к положительному полюсу христианской антропологии выступает в романе «Бесы» образ Ивана Шатова. Однако, вполне сформировавшимся положительным героем в романе, в какой-то мере даже носителем авторского идеала, предстает старец Тихон – как образец интеллектуальной и духовной элиты, способной противостоять негативному влиянию западников и нигилистов.

Вывод:

- Таким образом, основной вывод работы коррелирует с системой взглядов прот. Вас. Зеньковского, изложенных в его статье «Принципы православной антропологии». Прослеженные нами в системе персонажей романа «Бесы» парадоксы и аномалии духовной жизни становятся возможными только в случае отрицания человеком бытия Божия и, как следствие этого, ориентации на испорченную человеческую природу в разрешении как внутренних проблем человеческого духа, так и внешних условий социально-политической действительности.

МИССИОНЕРСКИЙ ИНСТИТУТ

Благодарю за внимание!